за скобку, и надо руку-то этой самой кос(т)ью потереть. Три, а самъ: „какъ матушка-скобка крѣпка, такъ бы я былъ крѣпкій; какъ къ скобкѣ ничо́ не пристаетъ, такъ бы и ко мнѣ ничо́ не приставало“. Дотрое“ (Ѳ. М. Г—на).

Ногтоѣдка. „Палецъ краснѣетъ, запухатъ, твердѣетъ, тычетъ его возлѣ ногтя“. Нѣкоторыя лѣкарки, какъ П—на, считаютъ ее самостоятельной болѣзнью, другія же отождествляютъ со *змѣевикомъ*; такъ, Ѳ. М. Г—на утверждаетъ: „што нохтоѣдка, то и змѣевецъ—боль все одна“.

Одною изъ причинъ заболѣванія пальцевъ считаютъ „шитво́ въ праздникъ“ (Алюй, Никитаева, Тулунъ).

Употребляемыя отъ этой болѣзни средства имѣютъ непосредственной цѣлью вызвать нагноеніе: „когда прорветъ—легче будетъ“. Къ больному пальцу вяжутъ жареную (горячую) луковицу, собственный калъ, творогъ, хлѣбъ съ солью.

Скрипъ въ суставахъ руки (въ кисти). Чаще всего наблюдается во время жнитва, „когда шибко натрудишь руки“. Перевязываютъ шерстяной ниткой [1]. Помогаетъ трава—скришу́нъ [2].

5. Накожныя болѣзни.

(Болѣзни кожи и подкожной клѣтчатки).

Бородавки. Опредѣленныхъ отвѣтовъ на вопросъ о причинахъ появленія бородавокъ слышать не приходилось. Обыкновенно говорятъ: „да такъ вотъ—пристанетъ ни съ чего“ или: „должно быть, съ вѣтру“. Способы лѣченія:

Крошки хлѣба, падающія въ подолъ во время ѣды, хорошо помогаютъ; ими трутъ бородавки неопредѣленное число разъ: „Слѣдъ хоть и останется, а бородавки не будетъ“ (Шабарта, Тулунъ).

Надъ бородавкой завязывается узломъ нитка (сколько бородавокъ, столько и узловъ), предпочтительнѣе—суровая; затѣмъ нитка кладется подъ пятку двери [3]: кто первый послѣ этого пройдетъ въ дверь, на того и бородавки перейдутъ (Тулунъ, Алюй).

Кому-нибудь врасплохъ предлагаютъ: „сосчитай, сколь у меня бородавокъ!“ Сосчитаютъ. „Еще разъ сосчитай!“ И такъ до трехъ разъ. Бородавки перейдутъ на того, кто ихъ трижды сосчиталъ (Тулу́нъ).

Нитка съ узлами по числу бородавокъ закапывается въ под-

---

[1] Неклепаевъ, 17.
[2] Макаренко, 80.
[3] Скалозубовъ, 20; Поповъ, 217.

полѣ „подъ помело“ [1]. Когда нитка сгніетъ, исчезнутъ и бородавки (Тулунъ, Алюй) [2].

Сводятъ бородавки желтымъ „сокомъ“ чистяка; „сгоняютъ“ (выжигаютъ) горючей сѣрой и острой водкой [3].

Ве́редъ. См. *Чирій.*

Веснушки. Чтобы „свести“ веснушки, трутъ лицо только-что снесеннымъ, еще влажнымъ яйцомъ; умываются березовкой — сокомъ березы (Алюй).

Воссá. Если безъ пути—безъ надобности вертишь на ладони „веретёшку“, на ладони образуется воссá: ладонь будетъ чесаться, „болѣто́къ приключитца“. Если веретешку вертишь не на ладони, а на столѣ,—все равно не избавленъ отъ возможности получить воссу́: достаточно потомъ прикоснуться къ тому мѣсту стола, гдѣ была веретешка,—рука заболитъ (Шабарта).—Какъ лѣчатъ, не записалъ.

Вшивость. Вши выходятъ изъ тѣла. Есть люди, тѣло которыхъ является особенно подходящимъ для размноженія этого паразита. Чрезмѣрная вшивость вполнѣ серіозно считается хорошей примѣтой: „вшивый—счастливый“. Все же принимаются кой-какія мѣры противъ усиленнаго размноженія „вши“. Главнымъ средствомъ считается баня, когда смѣняютъ рубаху, чешутъ голову. Если баня „не пособлятъ“ или ея нѣтъ, голову моютъ смѣсью воды съ керосиномъ.

Среди женщинъ существуетъ старинный обычай „искаться вшамъ“, или, какъ еще говорятъ, „искать въ головѣ“, „голову царапать“. Приходитъ одна сосѣдка къ другой и жалуется: „вотъ чешетца, чешетца голова... вши ли, плоть ли—Богъ ее знатъ... почеши мнѣ, бабочка!“—Та, если позволяетъ ей время, беретъ „вши́викъ“ и садится на порогъ или на лавку. Пришедшая „поискаться“ садится на полъ и кладетъ голову на колѣни сосѣдки. Начинается исканіе. Вшивикъ въ опытныхъ рукахъ проворно и ловко перебираетъ волосы прядь за прядью, давитъ насѣкомыхъ, выскребаетъ плоть, а бесѣда въ это время идетъ своимъ чередомъ... Потомъ сосѣдки мѣняются ролями.

Такую картину можно наблюдать на заваленкахъ поздней весной и лѣтомъ въ праздничный вечеръ.

Заусеница—задравшійся лоскутокъ эпидермиса у основанія ногтя. „Бавушка моя говаривала: не надо вытирать мокрыя руки квашéнникомъ, а то заусеницы будутъ“ (Е. А. В—ва). Ихъ очерчиваютъ, закрещиваютъ: остреемъ ножа дѣлаютъ крестики на покраснѣвшей кожицѣ [4].

---

[1] Въ подпольѣ, на томъ мѣстѣ, куда ставятъ помело, вырывается ямка; въ эту ямку и зарываютъ нитку съ узлами.

[2] Макаренко, 69.

[3] Макаренко, 69.

[4] Макаренко, 76 и 390.

Коросты на рылѣ. См. *Летучій огонь.*

Летучій огонь. Пристаетъ, когда плюютъ на огонь. Съ этого пойдутъ прыщи и коросты по губамъ, около носа, а то и по всему тѣлу начинаютъ распространяться, гноятся, мокнутъ (Е. А. В—ва).

„Ладятъ на три-девять (3 × 9) лучинокъ“: черезъ три зажженныя лучины на больного трижды брызгаютъ водой; потомъ опять ихъ зажигаютъ и опять трижды брызгаютъ; еще разъ повторяютъ то же, „чтобы получилось девять: три раза по три; три дня кряду, чтобы получилось три-девять... Другія дѣлаютъ шесть дёнъ“.

„Причикиваютъ“ огнивомъ съ наговоромъ [1].

Лишай. Появляется иногда на тѣлѣ, если человѣкъ пройдетъ по тому мѣсту, гдѣ конь катался (валялся), или если переступитъ обручъ.

Лѣчатъ „по́томъ съ окошекъ“ [2]; мажутъ чернилами. Хорошо помогаетъ „деготь съ топора“ [3].

Квасцы считаются тоже хорошимъ лѣкарствомъ. Утромъ, натощакъ, когда еще ни съ кѣмъ ничего не говорилъ, надо взять квасцовъ, поплевать на нихъ и обводить больное мѣсто „кругомъ“: „оно, вѣдь, кружко́мъ, какъ въ оторочкѣ“.

Лишай мокрый (со словъ другихъ передаетъ А. П. П—на). Сводятъ прижиганіемъ. Для этого ремнемъ натирается „до́горяча“ (нагрѣвается треніемъ) кольцо и прикладывается къ лишаю. Нѣкоторыя лѣкарки будто бы избавляютъ отъ лишая нашептываніемъ (П—на).

Межупёрс(т)ница. Происходитъ отъ засоренья ранки „межу́ перстовъ“. Засоришь—нарывать станетъ.

Помогаютъ: трава этого же названія и красные цвѣты.

Если травы нѣтъ, пользуются „землей отъ трехъ коловъ“. Вся трудность лѣченія только въ томъ и заключается, чтобы найти въ постройкѣ „три кола вмѣстѣ“; изъ промежутка берутъ земли и натираютъ ею больное мѣсто; совѣтуютъ брать запасъ этой земли, которую привязываютъ къ больному мѣсту. Еще лучше—каждый разъ (три раза) ходить къ тремъ коламъ и тереть свѣжей землей; свѣжей землей и перевязку дѣлать лучше.

Мозоли мокрыя. „Кожа натирается, подъ ней вода напу́кнетъ, вздымается пузыремъ. Если не выпустить воду—болитъ; а проколешь кожу, выпустишь воду—тожно́ надо беречь: засоришь—раздурится... Такъ и не лѣчатъ, само проходитъ“ (Е. А. В—ва).

Мозоли сухія. Распариваютъ въ банѣ, срѣзаютъ острымъ ножомъ; кончикомъ ножа вытаскиваютъ и „ядрышко“ мозоли.

Обвѣтрѣютъ губы. Мажутъ на ночь „свѣшнымъ“ саломъ [4].

---

[1] Поповъ, 193; Макаренко, 87.
[2] Логиновскій, 54; Скалозубовъ, 19.
[3] Логиновскій, 54.
[4] Ср. Макаренко, 77.

Обвытрьютъ руки. Моютъ сывороткой изъ-подъ „простоки́ши“ (Тулунъ).

Плоть (перхоть) *въ головѣ.* Заводится отъ заботы. Моютъ голову сывороткой. Выскребаютъ плоть, когда „вшамъ ищутца“.

Потьніе ногъ. Происходитъ отъ простуды. Лѣченіе состоитъ въ томъ, что по вечерамъ обмываютъ ноги холодной водой; или „къ но́чѣ“ ноги ставятъ на нѣкоторое время въ горячую воду, какую только можно терпѣть; а то каждыій вечеръ (тоже на ночь) пальцы ногъ заливаютъ стеариномъ съ горящей свѣчи; на день ихъ пересыпаютъ стеариномъ, растертымъ въ порошокъ (Тулунъ).

Призоры—прыщи по лицу. Умываютъ и умываются „вѣнчальнымъ мыломъ“ (Никитаева, Алюй, Тулунъ).

При́тка банна. „Приключатца водяной пузырь. Больше отъ думы бывать: увидишь въ банѣ у кого коро́сливо тѣло и станешь бояться, не прилипло бы. Вотъ отъ думы и бывать“ [1]. Въ качествѣ профилактической мѣры Ѳ. М. Г—на совѣтуетъ во избѣжаніе того, „чтобы не приключилась притка, выдернуть изъ вѣника корешочекъ, взя́сти въ ротъ и три раза проговорѣть: „какъ корешокъ у меня въ ро́тѣ крѣпко доржитца, такъ же бы и я, рабъ божій, былъ крѣпкій“. А безъ вѣника никакъ нельзя въ баню ходить...“

Если притка ужъ привязалась, то появляется зудъ по тѣлу тогда совѣтуютъ вымести баню, соръ сжечь, пепелъ бросить въ воду и этой водой мыться. Соръ собирать надобно послѣ „трехъ бань“,—значитъ, три раза и мыться надобно. Если по тѣлу появились „пупыри“ и коросты, то пепелъ отъ пережженнаго сора смѣшиваютъ съ коровьимъ масломъ и этой мазью сводятъ „пупыри“ и коросты (Ѳ. М. Г—на).

А. С. Долгихъ читаетъ наговоры 5 и 19.

Прыщи. Ихъ уничтожаютъ мышьими рѣпками.

Прѣлость у большихъ (взрослыхъ). „Въ вёдро по дорогѣ бывать много мелкоій пыли. Берутъ эту пыль и натираютъ до́суха: хоть въ подмышкахъ, хоть въ тѣсномъ мѣстѣ, а у жирныхъ людей шея прѣетъ,—помогатъ“ (Е. А. В—ва).

Цыпки. Бываютъ на рукахъ и ногахъ отъ „мокра“. „Лѣчатъ одинаково, что шипицы, что бородавки, то и цыпки: надо „обыдённу сметану“; въ нее прибавляютъ до́-синя купоросу, размѣшиваютъ и намазываютъ—два разъ въ день, утромъ и вечеромъ“ (Ѳ. М. Г—на).

Чесотка. Тѣло „сереби́тся“. Моютъ и поятъ отваромъ чистяка, натираютъ золой изъ „каменки“ (печь); употребляютъ мази: пепелъ отъ пережженнаго баннаго сора смѣшиваютъ съ масломъ и квасцами (Е. А. В—ва) или деготь, „молосно масло“, лукъ и мыло кипятятъ вмѣстѣ (А. П. П—на).

---

[1] Гуляевъ, С. И. Этнографическіе очерки южной Сибири, стр. 51.

Чирій. Утромъ и вечеромъ заговариваютъ, читая заговоръ 24a, или, пока чирій еще маленькій, обводятъ безымяннымъ пальцемъ и ногтемъ ставятъ крестъ, читая „во имя Отца“... (Алюй). Заговариваютъ на сукъ (24b)[1]. Ѣдятъ купену; привязываютъ баданъ. Больше всего примѣняются нарывныя средства: печеная луковица, намыленная; ушканья шкура (невыдѣланная), размоченная и намыленная; „лиственна сѣра, котору жуютъ“; намыленные березовые листья[2].

Шишицы. Если „шипичку (иглу шиповника) не вынешь изъ руки или ноги, такъ она и разрастетца“. Мажутъ, по возможности чаще, желтымъ „сокомъ“ чистяка; также выжигаютъ: горючей сѣрой, которая кладется на шишицу и зажигается, или крѣпкой водкой[3].

6. Болѣзни мочеполовыхъ органовъ.

Грыжа. См. выше.

Недержаніе мочи. См. отдѣлъ дѣтскихъ болѣзней.

Рызь,—когда человѣкъ (и со скотиной бываетъ) мочиться не можетъ. Пьютъ „порѣзну траву“. Для предупрежденія болѣзни избѣгаютъ „мочиться“ на огонь („потому *огонь—царь*“), даже на золу: слѣдятъ за тѣмъ, чтобы и ребята не мочились (Алюй, Порогъ, Сахтуй).

Хомутъ. Болѣзнь выражается въ опухоли половыхъ органовъ; иногда опухоль распространяется и на бедра. Хомутъ набрасываютъ часто по злобѣ, а то просто„ ради надсмѣшки“; напримѣръ, дѣвки „подшучиваютъ“ надъ парнями; „бабы рѣдко за́ймуются такими дѣлами“, развѣ по просьбѣ дѣвокъ. На конскій волосъ, завитый въ кольцо, наговариваютъ (С. Н. В—ва отказалась сообщить наговоръ незнаніемъ его) и бросаютъ его тамъ, гдѣ намѣченный человѣкъ долженъ пройти. Иной разъ бросаютъ такъ неосторожно, „гдѣ попало“, что хомутъ можетъ попасть на невиннаго, напр., на ребенка.—Не всякій, умѣющій надѣть (набросить) хомутъ, можетъ снять его. Снимаютъ съ помощью наговора, при произнесеніи котораго больное мѣсто обводится пальцами и смазывается у животныхъ—дегтемъ (причемъ одни знахари берутъ деготь съ колеса, другіе—прямо изъ „логушка́“), у человѣка—коровьимъ масломъ. Нѣкоторые знахари больное мѣсто натираютъ какою-то травою. С. Н. В—ва, сообщившая эти свѣдѣнія о хомутѣ, привела нѣсколько „живыхъ случа́евъ“, которые указываютъ на возможность успѣшнаго излѣченія этой болѣзни.

---

[1] Гуляевъ, 58; Логиновскій, 53; Неклепаевъ, 18; Скалозубовъ, 20.
[2] Скалозубовъ, 20.
[3] Макаренко, 90.

7. Помощь въ несчастныхъ случаяхъ.

Отъ дýру. См. *Укусъ дурной собаки.*

Змьиной укусъ. Лѣчатъ заговорами 1a, 1b, 1c. Когда змѣя жáлитъ, она, по народному мнѣнію, оставляетъ жало въ ранѣ[1]. Рану иногда прижигаютъ спичкой или головешкой.

Оглушеніе громомъ. Зарываютъ въ сырую землю[2] (только лицо остается открытымъ), обкладываютъ сырыми капустными листьями, свѣжей травой. Такой случай былъ лѣтомъ 1913 г. въ Тулунѣ, въ семействѣ Мирομановыхъ.

Убитые грозой считаются „Богу достойными“, святыми[3].

Угаръ. Даютъ ѣсть боярку, обливаютъ водой, поятъ молокомъ.

„Банный“ угаръ лучше „избенóва“: скорѣе выходитъ изъ человѣка.

Укусъ дурной собаки. Читаютъ „воскрёсну молитву“ (А. В. Н—ая) или „Вѣрую“ (О. П. Ф--ва); лѣчатъ дымомъ отъ зажженной шерсти съ укусившей собаки (Алюй); поятъ настоемъ на водкѣ изъ майскихъ жуковъ[4] (А. Ф. Т—на).

Сушатъ таракановъ, разминаютъ ихъ въ порошокъ, насыпаютъ на хлѣбъ и даютъ ѣсть укушенному. Больной не долженъ знать о происхожденіи лѣкарства (А. Т—на).

Укушенный долженъ собрать сорокъ милостынекъ, по возможности въ одинъ день, и съѣсть ихъ[5].

Лѣчатъ наговоромъ (записать его не пришлось), причемъ больной не долженъ выходить изъ избы до шести недѣль.

---

[1] Демичъ, 43.

[2] Макаренко, 78.

[3] Въ дѣтствѣ я много разъ слышалъ такой разсказъ. Споритъ однажды Богъ съ сатаной... Сатана говоритъ:

— Я отъ тебя въ дерево спрячусь.

— А я дерево расщеплю и въ деревѣ тебя найду,—отвѣчаетъ Богъ.

— Тогда я спрячусь въ камень.

— И въ камнѣ я тебя найду.

— А я въ рабу твою спрячусь.

— Я рабу свою убью, тебя тамъ найду, а *рабу грѣхамъ прощу.*

Съ тѣхъ поръ во время грозы сатана прячется—то въ дерево, то въ скотину, то въ человѣка. Если дерево разобьетъ грозой, говорятъ: „ишь, вѣдь, куда спрятался—проклятый!..“ А про убитыхъ грозой людей говорятъ: „Богу достойный...“

Очень похожій сюжетъ записанъ М. Синозерскимъ въ Витебской губерніи. „Живая Старина“, 1896, вып. III—IV, стр. 537.

[4] Овчинниковъ, М. Народныя средства при собачьемъ бѣшенствѣ.

[5] Макаренко, 89; Скалозубовъ, 22. Этимъ широко распространеннымъ повѣрьемъ пользуются при сборѣ милостыни попрошайки-цыганки: имъ вездѣ отказываютъ,—тогда онѣ просятъ „помочь несчастному укушенному“ (Тулунъ).

Отравленіе. Съ отравившимися отваживаются молокомъ (предпочитаютъ парное), отварной водой.

Утопленники. Откачиваютъ, подбрасывая на половикахъ или потникахъ (войлоки) [1]; класть утопленниковъ на голую землю нельзя: земля притянетъ [2].

II. Народное акушерство.

Дѣточку носить—не вѣточку ломить.

Поговорка.

Періодъ беременности.

Начало беременности „узнается по краскамъ, у которой женщины краски идутъ: краски перестали итти,—ну, значитъ, забрюхатѣла. А у которой красокъ нѣту, та скудаться зачнетъ: тянетъ ее, позывать на разну пищу, а не ѣстца... У другихъ изжога бывать, ѣдятъ мѣлъ, перфильску глину".

Когда женщина почувствуетъ себя „чижóлой", она до самыхъ „родúнъ" должна считаться со своимъ положеніемъ, чтобы ребенокъ родился благополучно. Помимо того, что она избѣгаетъ поднимать тяжести, ей предписывается немало различныхъ правилъ поведенія: такъ, „она не должна плювать, какъ увидитъ что гáдское, а то ребенокъ будетъ душноротый; не должна пинать собаку, а то у ребенка доспѣтся „собачья старость"; не должна пинать свинью, а то ребенка „щетина будетъ маять"; не должна перешагивать черезъ веревку, а то при родахъ „пуповина обовьется кругомъ шеи ребенка и не дастъ ему ходу" (Е. А. В—ва). Беременная женщина не вынимаетъ хлѣбы изъ печи черезъ неубранную съ шестка заслонку, такъ какъ, при несоблюденіи этого стариннаго „правила", у нея могутъ произойти тяжелые роды, а если ее „Богъ пронесетъ", то тяжелые роды могутъ быть у скотины (К. Т. Р—на).

По мѣрѣ того какъ протекаетъ періодъ беременности, увеличиваются заботы и тревоги будущей матери и ея близкихъ. Встаетъ вопросъ: *когда надо ждаться?* Опредѣлить болѣе или менѣе точно моментъ зачатія ни сами крестьянки, ни ихъ баушки не умѣютъ, хотя и „стараются примѣниться". Замѣчаютъ послѣднее мѣсячное очищеніе и съ того дня, когда оно кончилось, считаютъ впередъ „годъ безъ трехъ мѣсяцевъ и десяти дёнъ; другой разъ какъ есть угадаешь, а то ошибешься дёнъ на 10 впередъ, а то дёнъ на 10 назадъ" (Клавд. Ив. Богданская, с. Тулунъ). „Ждутъ, когда ребенокъ „пошевелитца"; черезъ четыре съ половиной мѣсяца послѣ этого момента „надо

---

[1] Макаренко, 78.

[2] Неклепаевъ, 30.

ждаться"; только не забудь число, когда „ребенокъ пошевелился" (Е. А. В—ва).

Не только беременная и ея родные,—сосѣдки тоже бываютъ заинтересованы тѣмъ, „когда будетъ" и „кѣмъ ждется" баба, которую онѣ охотно навѣщаютъ, кто изъ сочувствія и добраго расположенія, а кто „изъ празднаго любопытства бабьяго"; даютъ различные совѣты, стараются по разнымъ примѣтамъ опредѣлить полъ будущаго ребенка. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ примѣтъ:

а) Если мать „спра́вна ходитъ"—будетъ дѣвка, а какъ мать „худа́ ходитъ"—парнишку родитъ.

б) Если брюхо и задъ у беременной „плоски"—дѣвчонку родитъ, а если брюхо „во́стренько"—родится парнишка [1].

в) Еще примѣчаютъ, въ которомъ боку „пошевелитца ребенокъ": если въ правомъ—будетъ мальчикъ, а въ лѣвомъ—дѣвочка. „Только это неправда: другой разъ пошевелитца и въ правомъ, а родится дѣвчонка" (Е. А. В—ва).

г) Старикъ Иванъ Бу́зиковъ (с. Тулунъ) такъ примѣчалъ:

— Тебѣ, бабочка, кого надо?—спрашиваетъ онъ брюхатую бабу.

— Я парнишекъ люблю,—отвѣчаетъ та.

— Ну-ка, садись на полъ!

Садится.

— Ну, теперь вставай...

Встаетъ.

— Мальчикъ будетъ: оперлась (при вставаніи) правой рукой. Если обопрешься лѣвой, значитъ, дѣвчоночку носишь [2] (Е. А. В—ва).

д) Если правая грудь во время беременности будетъ полнѣе—родится мужской полъ (К. И. Б—ская).

е) Если у женщины во время беременности изжога, то у ребенка на головѣ будутъ густые волосы (она же).

Узнать, „кого носишь", для беременной—не праздный вопросъ: „дѣточку родить—не вѣточку ломить", говорится. Можно считать общепризнаннымъ въ народномъ акушерствѣ положеніе, что „дѣвчонокъ легче родить, парнишекъ труднѣе".

Въ заботахъ о благополучномъ исходѣ роди́нъ заранѣе присматривается наиболѣе подходящая бабка-повитуха.

Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ повитуху приглашаютъ въ тотъ моментъ, когда пришло время *растрястись*. Бываетъ это, напр., при преждевременныхъ родахъ. Обычно „баушка" задолго до роди́нъ начинаетъ навѣщать будущую паціентку. За баушкой ухаживаютъ. Наставить самоваръ, угостить ее чѣмъ Богъ послалъ,—это считается

---

[1] Поповъ, 330.

[2] Примѣты б, в и г существуютъ не только у русскихъ: Ф. Конъ отмѣчаетъ ихъ у качинцевъ. Русскій Антропологическій Журналъ 1900, кн. 4, стр. 58.

обязательнымъ при каждомъ ея приходѣ; ее боятся чѣмъ-нибудь обидѣть, чтобы она не „осерча́ла“ и не отказалась притти въ нужную минуту. Она—всегда нужный человѣкъ: теперь съ нею совѣтуются по тѣмъ вопросамъ, которые нарождаются съ наступленіемъ періода беременности; она нужна будетъ въ самый трудный моментъ жизни: ее придется позвать и послѣ, когда „прискудатца“ ребенокъ. Мало ли что́ еще будетъ, а потому „человѣка беречь надо“...

Баушки тоже знаютъ себѣ цѣну. Далеко не всегда требовательныя тамъ, гдѣ дѣло идетъ о расплатѣ за ихъ трудъ, онѣ чутки къ невнимательному къ нимъ отношенію, обидчивы. Помимо сознанія того, что онѣ—нужные люди, онѣ чувствуютъ за собой право на почетъ и уваженіе по своему возрасту. Деревенскія повитухи чаще всего—довольно пожилыя женщины, нерѣдко вдовы. Мнѣ не приходилось слышать о такомъ случаѣ, когда за „бабничанье“ взялась бы женщина моложе сорокалѣтняго возраста. Да и въ этомъ возрастѣ начинаютъ немногія.

Дѣвушки не могутъ „бабничать“. Одну изъ причинъ этого можно видѣть въ народномъ взглядѣ, по которому дѣвушкѣ нельзя присутствовать при родильныхъ мукахъ: за каждый ея волосъ надо перенести муки „родимому человѣку“ (такъ называютъ роженицу).

Старыя дѣвы и бездѣтныя женщины тоже не могутъ бабничать: сами онѣ не рожали и не испытали того, что́ терпитъ „мучельница-мать“. Къ тому же, баушка, не будучи сама „дѣтной матерью“, не можетъ надѣяться на то, что молитва ея будетъ услышана и принята во вниманіе Божьей Матерью, тоже дѣтной матерью. А въ такомъ дѣлѣ „на нее, на Божью-то Мать, только и надёжи“...

Сколько приходилось слышать, бабничать начинаютъ случайно: „придется быть при рода́хъ, когда некому даже пить подать,—какъ тутъ человѣка бросишь? Богъ дастъ благополучно,—зовутъ на другой разъ къ кому-нибудь... Такъ и пойдетъ“. Сами баушки считаютъ свою работу тяжелой и берутся за нее больше по нуждѣ. Такъ начала баушка-Паладьевна (А. П. П—на), баушка-Мартыниха (А. Г—хъ), баушка-Рытчи́ха († Рычкова), баушка-Ѳо́миха († Распопина), Ѳ. М. Г—на. Правда, „практикуютъ“ и люди съ достаткомъ, напр., баушка Лы́чиха, но такихъ немного.

Въ баушкѣ-повитухѣ цѣнятъ умѣнье „обиха́живать“ родильницу и ребенка. „Эта ужъ плоха баушка, у которой родильница намается до поры до времени, али котора не можетъ оборонить мать и дитё отъ худого глазу. Хоро́ша баушка успокоитъ родильницу, разговоритъ ее, молитвы знаетъ“. Обходительность, ласковое и участливое отношеніе къ родильницѣ и ея семейству, бодрое настроеніе,—все это далеко не послѣднія качества, которыя дѣлаютъ баушку популярной среди односельчанокъ и бабъ сосѣднихъ деревень. Другое дѣло—чистоплотность баушки. Не входя въ объясненіе причинъ, нельзя все

же не отмѣтить, что обычно (но не всегда) деревенскія повитухи грязны и неряшливы. Зато такія—вполнѣ „свой братъ“, доступны, а къ такъ называемымъ „чистóткамъ“ не всѣ смѣло обращаются: чистоплотность—это что-то „господское“, непривычное. „Гдѣ ужъ намъ тáкъ-то“... Предполагается, что такая баушка взыскательнѣе: „на рукава али на фартукъ[1] ей не дашь, всего полишнѣе надо... Гдѣ же намъ такую?“

Охотнѣе всего приглашаютъ бабничать родственницу-старушку, если она „займуется“ этимъ дѣломъ.

„Обѣгáютъ“ (избѣгаютъ) тѣхъ баушекъ, которыя „виномъ зашибаютъ“, и еще болѣе тѣхъ, чье прошлое вызываетъ пересуды... Такихъ приглашаютъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Изрѣдка бабничаютъ и мужчины. Такъ, Л. И. Т—нъ „принялъ на свои руки“ всѣхъ своихъ ребятъ у второй жены. То же передавали мнѣ о переселенцѣ Гуранкѣ (съ участка Едагонъ, Икейской волости).

Роди́ны.

Моментъ наступленія родинъ скрываютъ самымъ тщательнымъ образомъ не только отъ постороннихъ, но и отъ членовъ своей семьи. Это вызывается тѣмъ, что „друга женщина, наипаче котора первенькимъ, стыдится... Нонче-то, правда, ужъ не стыдятся, а мы-то прежде были, вѣдь, дуры: своего мужа-то што есть стыдились“. Главная же причина, заставляющая скрывать время родинъ, кроется въ народномъ взглядѣ, по которому „разный у людей глазъ бываетъ“: сглазить могутъ и родильницу и ребенка[2]. „Пуще всего, чтобы дѣвка какая не знала. Кажный „волосъ дѣвичій“ узнаетъ, за кажный волосъ надо мучиться родимому человѣку“ (Е. А. В—ва). Отсюда понятно, почему даже въ случаяхъ трудныхъ родовъ деревенскія женщины лишь очень рѣдко соглашаются поѣхать въ больницу. „Это въ больницу-то ѣхать! Чтобы глаза-то тамъ при такихъ мукахъ на родимаго человѣка таращили!.. Нѣтъ, ужъ што Богъ дас(т)ъ“...

Однако старанія баушки и другихъ близкихъ къ роженицѣ лицъ оградить ее отъ чужого глазу иногда не имѣютъ успѣха. Сосѣдки почти всегда освѣдомлены о томъ, когда „бабочка ждетца“, и лишь только наиболѣе любопытныя замѣтятъ наступленіе родовъ, находятъ „задѣлье“ зайти во дворъ (курица на этотъ разъ потеряется или яичко снесетъ въ сосѣдскомъ дворѣ) или въ избу. Вотъ интересный въ этомъ отношеніи случай, разсказанный мнѣ одною свекровью. „На-

---

[1] Это—обычная плата бѣдняковъ баушкѣ за трудъ, если не считать „харчи“; зато баушка въ первые дни послѣ родовъ, когда роженица еще не встаетъ, смотритъ и за ребятами родившей и за ея хозяйствомъ. Кто посостоятельнѣе, „благодарятъ“ хлѣбомъ, сахаромъ, покупаютъ „сйтчику“ на юбку; даютъ и деньгами.

[2] Поповъ, 333.

стало время родить Дарьюшкѣ. Схватки знимаютъ ужъ бабу. Гонятъ ее, а толку нѣту (не маратца),—всегда ужъ такъ бывать. Ладно,—думаю,—хоть чужихъ-то никого нѣту... Только подумала такъ-то, смотрю—Марковна (сусѣдка) идетъ: шабу́ръ, говоритъ, пришла пошить[1]... До́шлая баба: смѣтила, въ чемъ дѣло, ну и сидитъ. Сидитъ и сидитъ. Давай я скорѣй на столъ собирать: угостится — уйдетъ, думаю себѣ... Сидитъ баба –да и шаба́шъ!.. А Дарьюшкѣ ужъ невтерпёжъ. Я и говорю: ты, Дарьюшка, пошла бы да дополола бы гряду-то, Конечно, не до по́лотья ей, а чтобы только съ глазъ-то уйти. Ушла она въ огородъ. Пою я Марковну чаемъ, а сама нѣтъ-нѣтъ да и понавѣдаюсь въ огородъ... Кабы́ть-то ушла моя сусѣдушка. Ну, думаю, ладно. Надо по баушку бѣжать. Прихожу къ покойной Лы́чихѣ, а у ней гости... „Матушка, говорю, голубушка! пойдемъ ко мнѣ: съ коровёнкой у меня что-то сдѣлалось“... Ну, она, покойница, понимаетъ, въ чемъ дѣло. Со мной же побѣжала. Бѣжимъ ни́мо Азитовыхъ-то, а Марковна ужъ тутъ какъ тутъ: „На службу, Прокопьевна?“ А Прокопьевна быдто и не слышитъ: пробѣжала ни́мо нашей избы, быдто и не къ намъ... Обошла кругомъ, черезъ чужую ограду... Вотъ какіе сусѣди бываютъ. Мужики—тѣ лучше: смѣтятъ—уйдутъ, а вотъ нашъ братъ—на зло дѣлаютъ“.

Нѣтъ ничего мудренаго, что при наступленіи схватокъ женщина старается укрыться куда угодно, только бы избѣжать любопытныхъ глазъ постороннихъ, не считаясь ни съ какими другими удобствами, зачастую рискуя и своей жизнью и жизнью ребенка, особенно въ сырое дождливое время или въ холодъ и стужу.

Обычно роды протекаютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ баушка застанетъ родильницу. Чаще всего это бываетъ въ банѣ или, если семейство малолюдно и дома остаются только малые ребята,—въ избѣ. Лѣтомъ (а случается и зимой) это происходитъ и въ хлѣвѣ и въ сѣнникѣ и т. под. мѣстахъ. Во всякой деревнѣ можно указать нѣсколько случаевъ, когда крестьянки „распрастываются“ въ полѣ на полосѣ, отправившись туда на работу, или подъ кустомъ, поздно вечеромъ возвращаясь съ полевой работы домой. О посторонней помощи тутъ, конечно, и говорить не приходится: родильница принуждена бываетъ сама „управляться“ и съ собой и съ ребенкомъ. Впрочемъ, и дома не всегда бываетъ возможность дать вѣсть баушкѣ, чтобы она „на службу“ спѣшила, особенно когда роды наступятъ неожиданно, а около родильницы—только „мелюзга́“, которую никуда не пошлешь...

„Если въ семействѣ все идетъ по хорошему, легче родить. Весь мужской полкъ смѣтитъ, въ чемъ дѣло, и уйдетъ; только ребятишки

---

[1] „У насъ со стари́нки водится обыкновеніе: съ какой-нибудь работой—шитво́мъ, пряжей, дранкой — идутъ къ сусѣдямъ; тамъ за разговоромъ работа идетъ незамѣтно“.

съ матерью остаются, сидятъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, а то на печкѣ (куда ихъ зимное дѣло дѣнешь?), да баушка; другой разъ мать или свекровка тутъ же—баушкѣ помогаютъ. Родильница все равно что ложится помирать" и, какъ передъ смертью, проситъ у присутствующихъ прощенія сдѣланныхъ обидъ и огорченій[1]. Они простятъ—и Богъ проститъ, а Богъ проститъ—разрѣшится благополучно. Какъ готовящейся къ смерти, „ей расплетаютъ косы, сымаютъ поясъ, кольца, серьги[2]; она остается въ одной станýшкѣ (въ одной рубахѣ, сказать по теперешнему). Если роды продолжаются долго, открываютъ у печки заслонку (трубу не открываютъ), западню у подполья и, гдѣ можно, двери и ворота". Открываніе двери, заслонки и пр. сопровождается словами баушки: „какъ отворяютца двери, заслонка,—такъ бы отворилися двери младенцу".

„Баушка (хоть не всякая, а многія) заботитца, чтобы печка топилась, али хоть въ ней камень былъ нагрѣтой, али чтобы самоваръ кипѣлъ. Дрожь бывать въ это время съ родильницей. Баушка наливать горячей воды въ какую-нибудь посудину и ставитъ родильницу надъ паромъ, согрѣватъ" (Е. А. В—ва). „Садятъ въ квашню или въ другую какую большу посудину на паръ" (К. И. Б—ая). Л. И. Т—нъ, бабничая у своей жены, нагрѣвалъ въ печи сухой „рукотéрникъ" и согрѣвалъ имъ животъ родильницы[3]. Все это дѣлается для того, „чтобы чаще пóтуги были". Для возбужденія пóтуговъ употребляютъ ромашку, шафранъ (А. П. П—на), „потýжные порошки изъ спорыньи" (К. И. Б—ая). Во время схватокъ „потираютъ животъ и читаютъ молитвы съ упоминаніемъ Божьяго имя" (С. Н. В—ва), „растираютъ паха и водятъ по помѣщенію, покуль не разродитца" (А. П. П—на)[4]; только при этомъ надо слѣдить, чтобы роженица не переступила черезъ порогъ: она тѣмъ самымъ можетъ загородить выходъ ребенку. Иныя баушки, напр., П—на, даютъ роженицѣ „угольный порошокъ" изъ выстрѣленнаго изъ печки угля; даютъ порохъ, растертый въ порошокъ и разведенный въ водѣ[5], и при этомъ читаютъ молитвы, какія знаютъ.

При нормальныхъ родахъ „бываетъ напередъ ребенка пузырь. Не знаю ужъ, которымъ я мучилась (десятерыхъ я принесла), лежу... Вдругъ изъ меня какой-то пузырь. И лопнулъ—ровно выстрѣлилъ. И полились вóды. Это вотъ баушки и говорятъ: „вóды пролить".

---

[1] Поповъ, 339.

[2] Поповъ, 339.—У гиляковъ это дѣлаетъ мужъ во время родовъ жены; онъ „развязываетъ на себѣ все: волосы, сплетенные въ косы, поясъ, ремешки обуви, нарукавники" и пр. Пилсудскій, стр. 26.

[3] Горячія припарки къ животу роженицы—обычный пріемъ не только у русскихъ баушекъ. Ф. Конъ (стр. 60) отмѣчаетъ его у качинокъ.

[4] Поповъ, 341.

[5] Поповъ, 349.

Тутъ (на томъ мѣстѣ, гдѣ пролиты во́ды) и надо родить: скорѣй Богъ по мокрому [1] дастъ, а въ другомъ мѣстѣ труднѣе родить“ (Е. А. В—ва).

Бываютъ у нѣкоторыхъ женщинъ „двойны во́ды“: первыя воды идутъ при первыхъ мукахъ (по́тугахъ), вторыя—при выходѣ ребенка. Промежутокъ времени между первыми и вторыми водами К. И. Б—ая указываетъ, ссылаясь на свой примѣръ,—„до полусутокъ“.

Для скораго выхода ребенка давятъ на грудь роженицы; принято, чтобы это дѣлалъ мужъ, если онъ здѣсь присутствуетъ. Приходится дѣлать это и баушкѣ. А. П. П—на объ одномъ случаѣ изъ своей практики разсказываетъ: „Никого не было, кто бы надавилъ ей на грудь. Принесла со двора колесо и навалила на грудь ей. Ничего: Богъ далъ“...

Трудные роды. Нерѣдки случаи, когда „Богъ не даетъ скоро“. Роженица „мучитца“ сутки и болѣе. Баушка заставляетъ ребятенокъ передъ иконой молиться Богу, чтобы Онъ „не заставилъ сиротать“; дочери, по совѣту баушки, расплетаютъ свои косы, чтобы облегчить муки матери; баушка даетъ ей выпить разведенный порохъ, отъ котораго младенецъ долженъ скорѣй выйти. Если роженица впадаетъ въ безпамятство, въ это время желательно присутствіе мужа [2]: онъ поитъ жену водой изъ своего рта. Въ отсутствіе мужа баушка сама поитъ ее водой, но не изо рта. Если всѣ эти средства оказываются недѣйствительными, роженицу стараются испугать. „Ужъ третій день мучаюсь. Четыре баушки у меня. Водятъ меня по избѣ. Всѣ бока изодрали мнѣ. Нонѣшнія баушки деревяннымъ масломъ растираютъ, а раньше, какъ я-то молодая была, все мыломъ растирали... Такъ издерутъ бока, что когда́-то когда ихъ заростишь!... Водятъ меня баушки по избѣ. Подвели къ окошку, а за окошкомъ, на улицѣ-то, какъ грянетъ выстрѣлъ... Это дядюшка Павелъ (Огурцовъ) съ пашни пріѣхалъ, узналъ, что долго мучусь, и говоритъ: надо напужать ее, скорѣе Богъ дас(т)ъ. Пошелъ подъ окошко (а окошки всѣ закрыты на ставни) и выстрѣлилъ [3]. Я испужалась, вздрогнула... Дядюшка Павелъ вбѣжалъ въ избу, взялъ меня на́ руки—тутъ я и родила. Скоро тако́. А то хотѣли въ Тулунъ ѣхать (въ Курзанѣ тогда [4] церкви еще не было), просить попа открыть царскія двери [5]: говорятъ, при трудныхъ родахъ помогатъ“ (Е. А. В—ва).

---

[1] Это т. наз. „мокры ро́ды“, которые считаются лучше сухихъ родовъ. „Сухи́ роды, когда воды прольютца задолго до (выхода) ребенка, другой разъ за день, а то и за два, а то ужъ послѣ ребенка идутъ во́ды“ (К. И. Б–ая). „Сухи роды бываютъ больше у людей *безъ тьла*, у сухихъ людей“ (Е. А. В–ва).

[2] При трудныхъ родахъ считается необходимымъ присутствіе мужа и у качинцевъ. Ф. Конъ, стр. 60.

[3] При трудныхъ родахъ качинки, по сообщенію Ф. Кона (стр. 60), „подъ юртой, неожиданно для роженицы, раздаются выстрѣлы“.

[4] Въ 1870 г.

[5] Поповъ, 262.

Въ случаяхъ „неправильныхъ родовъ“, „когда ребенокъ пошелъ ручкамъ али ножкамъ, баушка прилаживать руки: пытатца выправить ребенка, пихать ручку али ножку въ роды“ и т. д. Иной разъ достаточно, послѣ того какъ рука или нога ребенка „вправлена въ роды“, „встряхнуть“ роженицу—и ребенокъ выйдетъ благополучно. Однако каждая деревня знаетъ случаи, подобные тому, который имѣлъ мѣсто на годахъ на участкѣ Едагонъ. Ребенокъ пошелъ бокомъ, показалась сначала ручка. Приглашенная баушка перепугалась. Послали въ с. Икей (въ 12 вер.) за фельдшеромъ, но тотъ отказался ѣхать на одной лошади, потребовавъ пару лошадей... Позвали мѣстнаго „акушера“. Онъ быстро явился, засучилъ рукава и, какъ умѣлъ, сталъ вытягивать ребенка за руку... Когда явился фельдшеръ на парѣ лошадей, нашелъ мертвую мать и истерзаннаго ребенка.

Уходъ за роженицей.

Въ рѣдкихъ случаяхъ женщина „распростатца“ стоя на колѣняхъ; ни одна изъ знакомыхъ мнѣ деревенскихъ повитухъ не рекомендуетъ этого. „Сколько по избѣ ни ходишь, ни мечешься, ни кричишь, а баушка все на кровать какъ-нибудь уложитъ“.

Какъ только „Богъ дас(т)ъ“, ребенка завертываютъ въ „чёрныя рубахи“, т. е. грязное бѣлье, кладутъ около матери или держатъ на рукахъ и ждутъ, когда выйдетъ „мѣсто“. Ждутъ съ полчаса; если его черезъ такой промежутокъ времени нѣтъ, начинаютъ тревожиться. Пройдетъ съ часъ,—тогда ужъ принимаютъ мѣры, вызываютъ у роженицы рвоту [1]: „толкаютъ въ ротъ косу (волóсья), поятъ дрожжами“ (Дарья Кирилловна Кокушиха, Марѳа Алексѣевна Распопина).

Когда мѣсто выйдетъ, бабушка перевязываетъ и перерѣзаетъ пупокъ, кладетъ завернутаго въ тряпье ребенка на печь или на постель матери, обмоетъ у матери „крови“ и принимается „обихаживать мѣсто“. Его моютъ водой и кладутъ вмѣстѣ съ краюшкой хлѣба, посоленной „сольцóй“, въ чистую тряпочку и хоронятъ въ заваленкѣ подполья [2]. Надъ этимъ мѣстомъ нѣкоторыя баушки сѣютъ немного (съ горстку) ярового хлѣба и тотчасъ же польютъ; когда появятся ростки съ вершокъ, тогда ихъ срѣзаютъ. Этотъ „овёсикъ“ или „ячмёнекъ“ позднѣе употребляется какъ лѣкарственная трава въ случаѣ болѣзни ребенка: при ночномъ рёвѣ, испугѣ и др. (Тулунъ, Гадалей). Воды, крови и пр. выливаютъ куда-нибудь въ уголокъ, чтобы никто не видалъ.

---

[1] Въ такомъ же случаѣ къ этому прибѣгаютъ (при помощи различныхъ средствъ) и туземцы о. Сахалина. Пилсудскій, стр. 24, 32.

[2] Поповъ, 350.

Мѣсто обязательно нужно обиходить и похоронить. Съ одной знакомой мнѣ женщиной, Д. К., былъ лѣтъ десять тому назадъ такой случай. Родила она лѣтомъ въ банѣ. Мѣсто упало подъ полъ, благодаря неосторожности баушки. Баушка его не достала; такъ оно необихоженное тамъ и осталось; долежало до зимы. Д. К. удивилась небрежному обращенію баушки съ мѣстомъ, но ничего ей не сказала, боясь обидѣть... Однако послѣ горько покаялась, что была такая несмѣлая, не сказала. Долгое время она не поправлялась съ родинъ. Чахла до самой зимы. Видитъ, дѣло плохо,—разсказала обо всемъ мужу. Пошли ночью, чтобы никто не видалъ, въ баню, вынули плаху изъ полу, вырубили мѣсто и принесли въ избу; тамъ оттаяли его, вымыли, похоронили какъ слѣдуетъ,—стала Д. К. съ тѣхъ поръ поправляться [1].

Если мать „ла́дна“, т. е. если она не чувствуетъ себя очень плохо, ей въ скоромъ же времени даютъ простого вина „для аппетиту“ и предлагаютъ пищу. „Если ночью разрѣшилась, то только лишь утромъ немножко покормятъ: жиденькимъ чайкомъ съ хлѣбомъ и солью; а если кто побогаче, то баушка испечетъ рыбный пирожокъ, а къ обѣду—похлебочку изъ мяса. Въ старину въ д. Шабартѣ, да и въ другихъ-прочихъ деревняхъ, водилось обнаковенье—носить угощенье родильницѣ [2]. Обо́щи (овощи) не даютъ не менѣ недѣли“ (Е. А. В—ва).

Въ тотъ же день ей топится баня. Баушка несетъ на рукахъ ребенка и ведетъ роженицу, причемъ и себѣ беретъ и ей даетъ въ ротъ „жеребо́къ“ (обломокъ вѣничнаго прутика), который предохраняетъ ихъ отъ сглазу. Въ банѣ, вымывъ ребенка, баушка кладетъ его мать на полъ, моетъ ее и расправляетъ ей всѣ члены: вытягиваетъ „на́кося“ руку съ ногой (правую съ лѣвой и наоборотъ), разглаживаетъ спину, правитъ пальцы у рукъ и у ногъ, правитъ голову—путемъ разглаживанія, сдавливанія и т. д. Тутъ же правитъ и животъ, „чтобы лучше расходилась матка и скорѣе приходила на свое мѣсто“. Полагается дѣлать три бани.

На третій день—въ „третьей банѣ“—баушка съ роженицей „размываютъ руки“. Обрядъ этотъ [3] совершается такимъ образомъ: кладутъ на полъ (въ банѣ обычно, можно и въ избѣ) вѣникъ. Роженица и баушка встаютъ на него правыми ногами. Баушка поливаетъ на руки роженицѣ воду, а та моетъ себѣ руки, иногда и лицо, намыливая большимъ (у бѣдныхъ, примѣрно, съ фунтъ, а у богатыхъ—два или

---

[1] Здѣсь выясняется одна изъ многихъ причинъ неохотнаго обращенія къ „ученой“ акушеркѣ, которая не видитъ надобности „обихаживать мѣсто“.

[2] Скалозубовъ, 14.

[3] Его указываетъ Н. Рудинскій для Рязанской губерніи, но въ своихъ подробностяхъ онъ значительно разнится отъ сообщаемаго мною. Ж. С. 1896, в. II, стр. 179.

три фунта) кускомъ мыла. Затѣмъ онѣ мѣняются ролями: тѣмъ же кускомъ мыла моется баушка, а роженица ей поливаетъ. Потомъ обѣ заразъ вытираются купленнымъ для баушки ситцемъ (на фартукъ, на юбку или платокъ,—глядя по состоянію родителей новорожденнаго). Роженица дѣлаетъ баушкѣ земной поклонъ, молча или вслухъ прося прощенія за обидныя слова, которыя могла ей сказать во время мукъ...

Мыло и ситецъ (или платокъ) идутъ въ собственность баушкѣ. Но это совсѣмъ не значитъ, что совершеніе описаннаго обряда диктуется корыстными побужденіями. Выполненіе обряда вызывается нежеланіемъ баушки „на тѣмъ свѣтѣ мараться во всемъ въ этомъ, въ водахъ и кровяхъ“. Если родители настолько бѣдны, что не могутъ купить ничего изъ того, что́ требуется обычаемъ, баушка сама запасаетъ хоть старую чистую тряпочку и небольшой обмылокъ, а обрядъ все же выполнитъ.

Три дня, пока дѣлаются роженицѣ три бани, она должна лежать въ постели. Послѣ трехъ дней, смотря по состоянію ея здоровья, баушка или оставляетъ ее въ постели или совѣтуетъ „похаживать помаленьку по избѣ, чтобы крови не застаивались“. Иныя лежатъ въ постели до пяти, даже до девяти „дёнъ“, если есть кому „ходить по́-дому“. Обычно же, „если пролежишь три-то дня, такъ это еще слава Богу“. Ребята и хозяйство требуютъ „догля́да“: „некогда шибко-то разляживаться“, хотя родившая женщина и считается „полумертвой“. Ее стараются не оставлять одну въ избѣ: если „родимой человѣкъ испужатца чего,—умретъ“. Поэтому, когда приходится оставить роженицу одну, ей кладутъ (или сама кладетъ) подъ подушку ножъ, „чтобы носкомъ глядѣлъ въ сторону, а подъ тобой-то былъ только черень ножа; кладутъ и говорятъ: „не одна я лежу,—съ товарищемъ“ [1].

Въ первые дни послѣ роди́нъ роженицѣ не даютъ горячей пищи, „чтобы нутро не заварить“; даютъ теплую пищу, которая въ остальномъ ничѣмъ не отличается отъ обычной.

„Шес(т)ь недѣль (родившая) считается полумертвой... Вотъ какъ эти ребяты достаются! Шес(т)ь недѣль считается она нечистой: ей нельзя браться за икону, зажигать лампаду передъ иконой, ходить въ церкву, покамѣс(т)ь не „возьметъ молитву“. По настоящему-то, по правилу-то, какъ прежнія старухи говаривали, и корову ей нельзя доить шес(т)ь недѣль. Только это исполняютъ въ большихъ семьяхъ, гдѣ есть кѣмъ замѣниться“ (Е. А. В—ва).

---

[1] Гиляки въ этомъ случаѣ кладутъ у входа въ юрту топоръ. Пилсудскій, 27.

Уходъ за новорожденнымъ.

„Другой ребенокъ родится въ рубашкѣ (сорочкой еще зовутъ) съ головой, а другой—только по плечи. Котора изъ баушекъ „снимаетъ“ рубашку, если она закрываетъ голову, а котора „прощипываетъ“ и „разрываетъ“, чтобы ребенокъ не задохся“. Болѣе естественнымъ считаютъ послѣдній способъ: „даже скотина такъ дѣлаетъ; если въ табунѣ есть умный жеребецъ, то, какъ только жеребится кобыла, онъ сейчасъ же разрываетъ перепонку зубами. А корова сама—языкомъ. Языкъ у ней, какъ тёрка: сразу прорветъ. Если случится молодой коровѣ родить, то, если случится здѣсь быть старой коровѣ, та помогаетъ, въ родѣ быдто учитъ, пособляетъ обихаживать“ (Е. А. В—ва).

Какъ только выйдетъ мѣсто, баушка перевязываетъ пупокъ; дѣлаетъ это она въ двухъ мѣстахъ: около брюшка ребенка и около мѣста; нитку перерѣзаетъ ножницами. „Отрѣжетъ баушка пупочекъ и смажетъ молоснымъ масломъ. Если не туго завязано, то нѣкоторое время сочится кровь. Тогда присыпаютъ квасцами. Когда пупокъ начинаетъ подсыхать, его, чтобы не коробило, надо причиркивать молокомъ, какъ только начнешь сосить ребенка грудью“.

Пока баушка убираетъ роженицу, ребенокъ лежитъ на кровати съ матерью; зимой кладутъ на печку, лѣтомъ—„куда угодно, только бы тепло было“.

Когда ребенокъ не подаетъ признаковъ жизни, необходимо позвать кого-нибудь, „кто тутъ пригодится“, лучше всего—отца ребенка. Онъ бьетъ палочкой въ дно сковородки и „гаркаетъ“ по имени мать, если родилась дѣвочка; „гаркаетъ“ (по имени) отца, если родился мальчикъ. А баушка въ это время слегка ударяетъ или толкаетъ ребенка по мягкимъ частямъ, держа его на ладони лицомъ внизъ, время отъ времени дуетъ ему въ носъ, пока ребенокъ не закричитъ. Иныя баушки, напр. П—на, окуриваютъ зажженною тряпкою, подносятъ ее къ носу, „отдуваютъ въ носъ и въ ротъ младенцу“, чтобы вызвать крикъ или чиханье. Затѣмъ ребенка обмываютъ въ корытѣ теплой водой, читая при этомъ коротенькія молитвы, и пеленаютъ.

Отправляясь съ роженицей въ „первую баню“, баушка несетъ и ребенка. Покамѣстъ мать разогрѣвается, баушка „принимается за ребенка“. Держа его на колѣняхъ, она „правитъ ему членики“: вытягиваетъ на́кося руку съ ногой, разглаживаетъ спину, правитъ головку[1] и т. д., затѣмъ моетъ его мыломъ. „Другой ребенокъ, когда мать его бита мужемъ во время беременности, еще въ брюхѣ испуганъ“; поэтому баушка въ банѣ читаетъ молитвы отъ испугу. Если ребенокъ здоровенькій, онъ лежитъ въ банѣ, пока баушка правитъ и моетъ

---

[1] Кривошапкинъ, Енисейскій округъ и его жизнь. Спб. 1865, т. II, гл. I, стр. 2.

мать; въ противномъ случаѣ его уносятъ (кто-нибудь изъ домашнихъ) въ избу ранѣе этого.

Появленіе новорожденнаго дѣтямъ объясняютъ различно: „изъ лѣсу принесли“, „мама изъ титечки вынула“, „баушка дйтю принесла“, „подбросили“, „въ подпольѣ нашли“ и т. п.

Въ первые же дни своей жизни ребенокъ крикомъ „проситъ зыбку“ (такъ взрослые переводятъ на свой языкъ крикъ ребенка). Часто зыбка переходитъ отъ одного ребенка къ другому. Въ иныхъ зыбкахъ „стало на свои ножонки“ до десятка и болѣе ребятъ. Иныя, выполнивъ свое назначеніе у одного поколѣнія, поступаютъ въ пользованіе другого, дѣлаясь такимъ образомъ „фамильнымъ достояніемъ“...

Сколько безсонныхъ ночей, сколько материнскихъ слезъ и страданій видѣла такая зыбка!.. Зато среди безбрежнаго океана безысходной тоски и невыплаканнаго бабьяго горя она, эта зыбка, видѣла тѣ немногія свѣтлыя минуты счастья, которыя знаетъ только мать.

Зная въ своемъ прошломъ и настоящемъ безпросвѣтную нужду, постоянную заботу, крестьянка-мать, качая эту старую зыбку, не перестаетъ хоть въ мечтахъ жить другой жизнью, когда у нея вырастетъ „замѣна“, съ которой теперь она проводитъ безсонныя ночи...

И сколько разъ надъ старой зыбкой повторялись эти мечтанія о кормильцѣ, переданныя въ словахъ монотонной, сотканной изъ обрывковъ, колыбельной пѣсенки, которую поютъ съ малыми измѣненіями по всѣмъ селамъ и деревнямъ Нижнеудинскаго уѣзда:

Кеша[1] вырастетъ большой,
Будетъ бережкомъ ходить.
Будетъ бережкомъ ходить,
Будетъ рыбку ловить.
Будетъ рыбку ловить,
Будетъ мамку кормить.

Однако „много воды утекётъ“, пока вырастетъ замѣна... Долго-долго придется еще „байкать“ будущаго кормильца.

Бай, бай, бай, бай,
Подй, бука, подъ сарай.
Подй, бука, подъ сарай,
Конямъ сѣна надавай.
Кони сѣна не ѣдятъ,
Все на Кешеньку глядятъ.
Баю-баюшки-баю,
Колотушекъ надаю.
Колотушекъ двадцать пять,
Будетъ Кеша крѣпко спать.

---

[1] „Сибиряки при крещеніи новорожденныхъ дѣтей это святое имя предпочитаютъ всѣмъ прочимъ именамъ“. С. В. Максимовъ, Сибирская святыня, стр. 192. Собр. соч., т. XVI, Спб. 1910. Если не это дѣйствительно любимое и распространенное имя, то выбираютъ имя кого-нибудь изъ родныхъ—„побáшше“.

Сонъ ходитъ по лавочкѣ,
А дремо́та—по кутѣ́.
А дремо́та по кутѣ́
Ищутъ Кешеньку вездѣ.
Гдѣ Кешу найдутъ,
Тутъ и спать укладутъ.
Богородица дала,
Въ окошечко подала:
—На́те-ка, водитеся,
Да смотрите, не лѣнитеся...

Такъ и дѣлаютъ: не лѣнятся и, по мѣрѣ силъ (а бываетъ и сверхъ силъ) и разумѣнія, воспитываютъ, заботятся о сохраненіи жизни и поддержаніи здоровья, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные способы и средства лѣченія дѣтскихъ болѣзней; наблюдаютъ также отдѣльные, чѣмъ-либо замѣчательные, моменты въ жизни ребенка.

Какъ только ребенокъ начнетъ „ставать ды́бки“, ждутъ, когда онъ „переступитъ“, т. е. сдѣлаетъ первый шагъ. Въ этотъ моментъ мать либо кто-нибудь изъ семьи беретъ ножъ и дѣлаетъ такія движенія, какъ будто рѣжетъ что-то на полу, между ступнями ногъ ребенка,—„разрѣзаетъ пу́ту“. Какъ только пу́та разрѣзана, ребенокъ „пойдетъ ходить“ (Тулунъ, Заусаева).

Вопросъ о судьбѣ, которая ожидаетъ новаго жителя земли, интересуетъ окружающихъ съ первыхъ же дней, съ появленіемъ его на свѣтъ.

Примѣчаютъ:

„Если ребенокъ на рукахъ легкой и крѣпкое тѣльце у (н)его,—долговѣчной“ (К. И. Б—ая).

„Если ребенокъ родился подъ полный мѣсяцъ, онъ долговѣченъ, а (если) родился на ущербъ-мѣсяцъ—не жиле́цъ“ [1].

„Если родился въ ненастье—счастливой (богатый) будетъ“.

„Мохнатой родится—счастливой будетъ“.

Родившійся въ сорочкѣ (въ рубашкѣ) особенно счастливъ [2]. Сорочка имѣетъ значеніе предохраняющаго амулета: небольшую часть ея зашиваютъ въ тряпочку и носятъ на крестѣ. Съ потерей амулета теряется и счастье [3].

„Если до́ году (у ребенка) темя не зарастетъ,—недолговѣченъ“ (К. И. Б—а́я).

„Сопливой ребенокъ—фарто́вой“.

Если женщина принесетъ „двойни“, то „въ домѣ обязательно нужно что-нибудь прибавить“,—напр., сдѣлать новую полку,—иначе въ семьѣ можетъ быть какое-нибудь несчастье. „Прибавлять“ нужно только деревянное (Степанъ Андреевичъ Жуковъ, с. Тулунъ).

---

[1] Эту же примѣту знаютъ и качинцы. Ф. Конъ, стр. 60.
[2] Ф. Конъ, 60; Макаренко, 98; Пилсудскій, 24—25; Поповъ, 189, 361.
[3] Ф. Конъ, 60; Поповъ, 189.

Кормленіе грудныхъ дѣтей.

Когда баушка вымоетъ ребенка, и онъ заявитъ о себѣ крикомъ, ему „готовятъ соску изъ арженова хлѣба: пожуетъ баушка хлѣба, завяжетъ эту жувáчку въ чистенькую тряпочку, помуслитъ и сунетъ ребенку въ ротъ“. Первую соску дѣлаютъ „безъ сахару“—для предупрежденія появленія грыжи.

Нѣкоторыя баушки утверждаютъ, что если ребенку сдѣлать первую соску изъ первыхъ его испражненій, то онъ будетъ застрахованъ отъ всѣхъ болѣзней: „и грыжа его не возьметъ, и во всю жизнь будетъ звонъ-звономъ“ (Ѳ. М. Г—на). Однако, ни одна изъ баушекъ не говорила о примѣненіи такой соски въ собственной практикѣ: „не доводилось самой-то“.

Если роды благополучны, и мать чувствуетъ себя „ладно“, то черезъ полсутокъ она кормитъ ребенка грудью: „скажемъ, ребенокъ родился ночью,—утромъ его ужъ начинаютъ сосить“. Если мать долго не можетъ оправиться, баушка „пропускаетъ ребенку только теплую водичку—такъ день или два, не больше“.

Рожокъ дается съ первыхъ же дней, чтобы пріучить ребенка обходиться безъ материнскаго молока, которымъ деревенскія дѣти пользуются только въ то время, когда мать дома. Коровье молоко, которымъ кормятъ дѣтей черезъ рожокъ, водой не разбавляется и не подсахаривается; сырымъ молокомъ рѣдко кормятъ, почти всегда его кипятятъ: „даютъ прокипѣть разъ, а то два, чтобы не дóкрасна“. Неспокойному ребенку въ молоко (при кипяченіи) кладутъ головку мака: „ребенокъ спитъ лучше“.

„Смастерúть“ рожокъ, какъ и сдѣлать раму для зыбки, если она не досталась по наслѣдству, или вырубить для зыбки óчипъ—это пріятная обязанность отца. „Другой отецъ-то такой рожокъ изъ коровьяго рога доспѣетъ, такъ его хорошо обдѣлаетъ“... На конецъ рога рѣдко надѣвается покупная (резиновая) соска; чаще—коровья „титька“, которую можно достать у мясника или лавочника. Въ Шабартѣ, въ Худоелани и на заимкахъ приходилось слышать въ разговорѣ: „мы скотину будемъ бить, такъ титьки-то будутъ у насъ,—приходите“. Въ лавчонкахъ и у мясниковъ очищенная титька стоитъ пятачокъ, а неочищенная—три копейки.

Мѣсячнаго ребенка прикармливаютъ „тюрькой“ изъ пшеничной булки, изъ покупной сушки (крендели), „жувачкой“ изъ хлѣба съ сахаромъ или изъ хлѣба и „штецъ“ (щей), которою мать или нянька кормитъ ребенка непосредственно изо рта или черезъ палецъ.

Грудью „сосúтъ“ обыкновенно болѣе года, чтобы скоро не забеременѣть, не считаясь съ тѣмъ, что „если сосúть ребенка больше

девяти мѣсяцóвъ, памяти у него не будетъ". Нѣкоторыя матери кормятъ до трехъ и болѣе лѣтъ [1].

Способы отнятія отъ груди.

Дѣлается это различно:

Соски́ грудей мажутъ горчицей [1], дегтемъ: „горько будетъ—броситъ"; мажутъ соски́ сажей: „испужатца чернаго—отстанетъ"; „кладутъ за пазуху щетку, которою куделю чешутъ [1]; какъ только онъ сунетъ руку, уколется".

Случается, что указанные способы оказываются недѣйствительными: ребенокъ не испугается чернаго, обсосетъ горькое, отодвинетъ колючую щетку въ сторону... При повторныхъ неудачахъ мать отлучается на нѣсколько дней изъ дому, чтобы ребенокъ въ ея отсутствіе „забылъ про ти́тьку". Если отлучиться нельзя, мать ходитъ дома въ непривычной для ребенка ло́поти (верхняя одежда), старается говорить „чужимъ голосомъ", чтобы ребенокъ принялъ ее за чужого человѣка, ночью не спитъ съ ребенкомъ.

По отнятіи отъ груди ребенокъ ѣстъ все, что́ ѣдятъ и „большіе" (взрослые).

III. Дѣтскія болѣзни.

Безсонница. Самымъ распространеннымъ средствомъ противъ нея служитъ макъ. Въ большомъ употребленіи также виноградное вино—„гаго́ръ", которымъ мочатъ ребенку темя и поятъ.

Грыжа дѣтская. Различаютъ „пупочную" и „мошоночную" грыжу. Внѣшнія проявленія болѣзни: „у дѣвчонки вылѣзатъ кверху пупъ, а у парнишка кошелекъ дѣлается большой и блеститъ". Часто грыжа сопровождается поносомъ. Прогрызенный пахъ вылѣчить можно скоро; запущенную грыжу лѣчить надо долго, и трудно это.

При лѣченіи употребляется: сулема съ масломъ въ видѣ мази; помогаетъ загрызаніе грыжи (наговоръ 4); поятъ „артимоньей"; „поятъ, предъ тѣмъ какъ въ зыбку клас(т)ь, настоемъ на водѣ чилибухи; раза три попоишь, видишь, что будетъ лучше—надо еще поить, а не поможетъ—надо чего-нибудь другого искать" (Е. А. В—ва). Напри-мѣръ, прокалываютъ ухо: „если прогрызаетъ правое яичко, прокалываютъ лѣвое ухо, а (если) грызетъ лѣвое яичко, прокалываютъ правое ухо; въ проколотомъ ухѣ носятъ сережку" [2].

Дифтеритъ. См. отдѣлъ общихъ болѣзней.

---

[1] Макаренко, 100.

[2] Неклепаевъ 25; Поповъ, 189.

Душнороτость. Происхожденіе болѣзни объясняютъ такъ: „когда брюхатая баба найдетъ что-нибудь га́дское,—примѣрно, пропастину или что-нибудь другое нехорошее,—и зачнетъ плюваться, вотъ ребенокъ и родится душноротый“. Такихъ съ дѣтства пріучаютъ курить табакъ.

Запоръ дѣтскій. Лѣчится виноградным ъ виномъ и пережженымъ на огнѣ коровьимъ масломъ, которое дается 2—3 раза въ день по маленькой деревянной ложкѣ.

Зачи́черевѣетъ ребенокъ. Это бываетъ, когда безъ пути—безъ надобности сито на голову надѣнетъ. Хилый, росту ему нѣту, смотрѣть—душа болитъ. Происходитъ это еще и оттого, что „ребяты садятся близко другъ къ дружкѣ чи́шкать“ (испражняться). Садиться надо,—учатъ взрослые,—такъ, чтобы, протянувъ руки, ребята не могли достать другъ друга (Алюй, Тулунъ, Худоелань).

Испугъ. Если ребенокъ „со сна“ вздрагиваетъ, соскакиваетъ съ постели, кричитъ тревожно, плачетъ, бредитъ,—значитъ, онъ „напуганъ“. Испугаться можетъ и „зы́бошной“ ребенокъ. Въ предупрежденіе испуга, зыбочнаго ребенка покрѣпче пеленаютъ и, когда приходится оставлять его въ избѣ одного, подъ зыбку кладутъ „вѣникъ“ (Тулунъ, Алюй).

„Ладятъ“ отъ испугу на „вечорну зо́рю“. Накрываютъ ребенка чѣмъ-нибудь бѣлымъ (скажемъ, скатертью) всего съ головой. Противъ сердца его держатъ ковшикъ холодной воды, а изъ „поварёнки“ выливаютъ въ эту воду растопленное олово и говорятъ: „Кого испужался, тотъ и вылейся!“ Такъ (дѣлаютъ) три зари. Сначала олово разсыпатца, какъ дробь, по всѣмя́ угламъ, а потомъ, какъ пойдетъ дѣло на поправу, все олово остается въ кучкѣ. Степанъ Ѳомичъ (Распопинъ) былъ маленькой, испужался гусей, такъ вотъ какъ е́с(т)ь—гусь вылился... Другой ребенокъ съ этова поправляться начнетъ, а другому еще надо ладить“ (Е. А. В—ва). Этотъ способъ „ла́женья“ довольно распространенъ.

Довольно распространенъ и другой способъ—троекратное *окачиванье водой изъ-подъ пѣтуха.* Подъ „се́дало“, на которомъ спитъ пѣтухъ, ставятъ на ночь чашку съ водой, накрытую ситомъ. „Передъ пѣтухами“ идутъ караулить. Какъ только пѣтухъ пропоетъ третій разъ, воду немедленно уносятъ и обливаютъ ею ребенка „на роди́момъ мѣстѣ“, т. е. на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ родился (Худоелань, Курзанъ, Тулунъ).

Изъ травъ употребляютъ преимущественно чертополохъ. Лѣчатъ также наговорами (наговоръ 8).

Корь. См. отдѣлъ общихъ болѣзней.

Младенчецкая. См. *Родимецъ.*

Не говоритъ долго робенокъ. Въ такомъ случаѣ „надо достать звонкій колокольчикъ, чтобы былъ съ язычкомъ“. Изъ этого колоколь-

чика ребенка поятъ молокомъ и водой три, шесть или девять разъ, смотря по ходу дѣла и по усердію родителей или лѣкарки. „Подъ землей“ лѣченіе не будетъ имѣть успѣха, а потому совершаютъ его или на улицѣ (подъ открытымъ небомъ), въ „анбарѣ“, на потолкѣ котораго нѣтъ земли, въ новой избѣ, на которую еще не успѣли поднять землю, въ конюшнѣ, „во клѣвѣ“ и т. под. мѣстахъ.

Не маратца ребенокъ. Поятъ молоснымъ масломъ.

Ношно недержаніе мочи. Оно не разсматривается какъ болѣзненное явленіе: „засыпáтца робенокъ, вотъ и прýдитца“. Изстари ведется обычай „бить засóню“ на заслонкѣ помеломъ. Когда „печка сядетъ на жаръ“ и ужъ пора заметать въ ней, ребенка усаживаютъ на заслонку; кто-нибудь изъ членовъ семьи держитъ его, а мать слегка ударяетъ его нѣсколько разъ горячимъ помеломъ по тому мѣсту, о которомъ говорятъ, что „тамъ не рѣпу сѣять“ [1].

Ночной рёвъ. „Отъ испугу бываетъ: ребенокъ по ночамъ реветъ; днемъ не шибко, а какъ ночь—ну, и бѣда. Въ какое время испужали ребенка, въ такое и ладить надо. Хорошо помогаетъ кипарисова икона“ [2]; она считается рѣдкостною, ибо не во всякой деревнѣ ее найти можно у кого-нибудь. Счастливца, „хозяина“ иконы, осаждаютъ просьбами—позволить обмыть кипарисову икону. Объ отказѣ слышать не приходилось. Икону моютъ (а нѣкоторыя, улучивъ удобный моментъ, даже скребутъ ножомъ дерево) и водой этой поятъ больного ребенка. „Если ребенокъ уснетъ,—значитъ, жить будетъ; (если) не поможетъ—смёртно“ (Е. А. В—ва).

Подопрѣлость. Чаще всего бываетъ у „сырыхъ ребятъ, отъ недогляду“. А. П. П—на обсыпаетъ прѣлыя мѣста „картовной мукой“ и прикладываетъ „портянýю“ тряпочку. Вмѣсто тряпочки употребляется наскребенная съ „поскóнины“ (своедѣльскій холстъ) „пáрга“: она въ родѣ ваты (Е. А. В—ва). На присыпку идутъ мелко накрошенный кирпичный чай, просѣянныя сосновыя гнилушки, „печúна“.

Полуно́шникъ. По ночамъ бываетъ: „хватитъ ребенка, бьется сердешный, кричитъ; послѣ уснетъ. И такъ кажну ночь“. Лѣчатъ читая наговоръ 17.

Поносъ. У грудныхъ дѣтей считается признакомъ того, что ихъ „грызётъ“. Если, къ тому же, ребенокъ „маратца зеленымъ“—грыжа несомнѣнная; тогда лѣчатъ отъ этой болѣзни. „Когда просто брюшни́шка разстроится, поятъ квасцами“.

Родимецъ, родимчикъ. „Отъ испугу бываетъ. Бываетъ, что такъ съ этимъ и родится ребенокъ. У большихъ этакъ же случается, только у большихъ-то óмморокомъ зовется, потомъ параличомъ бьетъ“...

---

[1] Чеканинскій, 274.
[2] Красноженова, 12.

„Ребенокъ пужается, бьётъ его, треплетъ—не дай Богъ!.. А какъ смёртно, то по всему тѣлу потомъ ровно (будто) синяки, ровно кто его исщипа́лъ“.

Изъ мѣстныхъ растеній употребляютъ для лѣченія „шесть травъ“, затѣмъ—глухой ладанъ, гвоздику. Хорошо дѣйствуетъ „вода въ первомъ дыму́“. Поятъ киноварью: „ки́новарить всѣ знаютъ“. На пользу служитъ еще росной ладанъ.—Изъ гребня живого пѣтуха берутъ нѣсколько капель крови, „въ водичку пока́паютъ и поятъ съ ложечки“.

Роди́мо пятно. Е. А. В—ва разсказываетъ про одного почтаря, что у него на лицѣ были красныя пятна, напоминавшія форму кисти руки. Односельчанки почтаря объясняли это такимъ образомъ: „мать, когда ходила имъ, испужалась пожара и закрыла лицо рукамъ. На лицѣ ребенка и пошли пятна, красныя отъ огня“. Другой случай: одна беременная женщина увидѣла чернаго медвѣдя и, въ испугѣ закрыла лицо ладонью. Ребенокъ родился съ „чернымъ родимымъ пятномъ“, напоминавшимъ форму ладони. „Если это—правда, такъ правда, а (если) мнѣ наврали,—значитъ, и я вру, а чтобы лѣчили родимо пятно—не слыхивала“.

Скарлатина. См. отдѣлъ общихъ болѣзней.

Слюнявость. „Шибко слюня́ и́зъ роту текётъ“. Бываетъ оттого, что мать, держа ребенка на рукахъ, „мочится“... Слюну рѣжутъ ножницами: „какъ увидишь—слюня текётъ, перехвати ее ножницамъ“ (Тулунъ, Шабарта).

Собачья старость. Если женщина во время беременности ударитъ пинкомъ собаку, то ребенокъ при появленіи на свѣтъ окажется больнымъ: „до трехъ годочковъ другой не подымаетца на ноги, животъ большущій, руки-ноги тоховьки-претоховьки, а голова большая“.

Лѣчатъ, по разсказамъ А. П. П—ной, собачью старость наговоромъ (записать его не удалось), во время произнесенія котораго стригутъ на стѣнѣ тѣнь больного.

Если обычные пріемы лѣченія не помогаютъ, ребенка несутъ въ осинникъ. Одна изъ осинокъ раскалывается на корню́ и раздирается такимъ образомъ, чтобы получилось отверстіе наподобіе буквы *о*. Одинъ изъ принесшихъ ребенка беретъ его на руки и черезъ отверстіе передаетъ другому, стараясь, чтобы рубашку больного зажало въ щели осины... Рубашка тутъ и остается, а вмѣстѣ съ нею остается и болѣзнь[1].

Другой, нѣсколько похожій, способъ—„перепеканіе ребенка“. Больного собачьей старостью ребенка садятъ на кухонную лопату, доносятъ до печного цѣла[2] и пронимаютъ (говорятъ еще: протягиваютъ) черезъ калачъ, состряпанный для этой цѣли.

---

[1] Объ обычаѣ „прониманія“ черезъ дерево см. у Попова, стр. 204.

[2] Похожій способъ описываетъ Неклепаевъ, стр. 25; Кривошапкинъ, т. II, стр. 3.

Еще способъ. „Если больна дѣвочка, ищутъ молоденькую сучку; если (боленъ) мальчикъ—надо молоденькаго кобелишка. Смуглый ребенокъ—нужна черная собачка; ребенокъ бѣлый—и собачку надо бѣленькую. Все тѣло ребенка смазываютъ сметаной, а собаку заставляютъ облизывать. Затѣмъ ребенка и щенка несутъ въ баню; того и другого парятъ. Если ребенку жить, собачка скоро издохнетъ“.—Приходилось слышать, что собаку запариваютъ до́ смерти, чтобы спасти ребенка[1].

Сохнетъ ребенокъ. „Ребятъ, какъ и скотину, нельзя бить сухой лучиной: будутъ сохнуть. Ни собачья старос(т)ь, ни что другое, а ребенокъ сохнетъ. Собираютъ листопату (сухого листу), да вѣтренку, да чистяку; все это напариваютъ и моютъ ребенка въ корытѣ. Старухи совѣтуютъ брать только тотъ лис(т)ъ, который прикрылся, лежитъ кверху тыльной стороной“ (Е. А. В—ва).

Стень—„какъ собачья же старос(т)ь: одна боль и лѣкарс(т)во одно“[2] (Ѳ. М. Г—на).

Цвѣтетъ ребенокъ. „Не бывать безъ этого. По тѣлу идутъ мелконькіе пузырьки, какъ рѣпное сѣмя, красенькіе. Тѣльце мажутъ медомъ; мажутъ и масломъ: масло-то еще лучше. Въ теплой водѣ въ корытѣ моютъ“ (Е. А. В—ва).

Цвѣтетъ въ ротикѣ. „Настружитъ, какъ творожокъ; протрешь—ничего не останется; потомъ смотришь—опеть какъ творожокъ. Медомъ или сметаной мажутъ въ роту́, да они шибко объѣдаютъ; лучше мазать молоснымъ масломъ. Отъ масла отмякнетъ, поотстанетъ, потомъ обтирашь тряпочкой. Цвѣтетъ дёнъ пять, другой разъ меньше“ (Е. А. В—ва).

Чикоту́нъ. „Пятки у ребенка сдѣлаются свѣтлы да красны, ножонками су́читъ“. Причину болѣзни видятъ въ томъ, что ухаживающіе за ребенкомъ, лаская его, щекочутъ ему ножки. Смазываютъ смолкой. У нѣкоторыхъ лѣкарокъ есть наговоръ.

Щетина. Ребенокъ корчится, перегибается назадъ и кричитъ,—„щетина его колетъ“. Болѣзнь происходитъ оттого, что мать во время беременности пинаетъ свиней. Помогаютъ такъ: когда вынимаютъ изъ печи хлѣбъ, берутъ немного мя́киша и катаютъ его по спинѣ ребенка: спина предварительно смазывается сметаной или масломъ. На колобкѣ хлѣба, говорятъ, можно видѣть во́лоски; это и есть щетина. Или: спинку ребенка обильно смазываютъ своедѣльскими дрожжами; затѣмъ его парятъ въ банѣ, причемъ на спину мать „чи́ркаетъ свое молоко“; лѣчатъ опарной гущей изъ пшеничныхъ отрубей (К. И. Б—ая).

Дѣти не стоятъ. Бываютъ случаи, что „родится ребенокъ, окажется хворенькимъ, вскорости же и помретъ. Опеть родится такой

---

[1] Красноженова, 75; Макаренко, 238.
[2] Макаренко, 238.

же хиленькій и тоже умретъ. За нимъ опеть... Кажется, ужъ всѣ лѣкарства испробованы, а толку нѣтъ: ни на боль, ни на лѣкарства не могутъ натака́ться".

Тогда родители, чаще всего мать больного ребенка, сговариваются съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей испытать послѣднее средство—„продажу ребенка на счастье". Согласившійся „купить" ребенка проходитъ мимо открытаго окна избы. Мать останавливаетъ его и говоритъ: „Купи у меня ребенка такого-то" (называетъ по имени).—„Продай!" Мать отдаетъ ребенка въ окошко, а сама идетъ къ двери, куда подходитъ и покупающій съ ребенкомъ на рукахъ. Мать молча беретъ ребенка, снова подаетъ его въ то же окно покупателю. Тотъ опять несетъ его къ двери. Такъ три раза. Получивъ ребенка отъ покупателя въ третій разъ, „мать надѣётъ на него крестикъ, которымъ въ купели крестился" (О. П. Ф—ва).

Если ребенку жить, то скоро послѣ этого поправится (это будетъ въ томъ случаѣ, если купившій—„счас(т)ливой"), а не жить—скоро послѣ этого помретъ[1]. „У тетки Акулины (Лѣнивцева она, шабартинская) ребенокъ—Самсономъ звали парнишка—долго хворалъ, не могли и на боль натака́ться. Ей и посовѣтовали этакъ же вотъ продать Сомку. Такъ и сдѣлали. И теперь еще живой!.." (Е. А. В—ва).

Нѣкоторыя лѣкарки съ цѣлью узнать, поправится ли ребенокъ или умретъ, „обмываютъ колоколъ". „Покойница Михѣиха такъ говорѣла: иди на зо́бряхъ на рѣку съ ведромъ. Иди и молчи. Почерпни воду „по водѣ" (по теченію) и молча иди съ рѣки къ колокольнѣ. Молча полѣзай на колокольню, поставь тамъ на мѣсто ведро; молча же обмывай колоколъ... *Если человѣку оздоровѣть,—колоколъ будетъ молчать; если умереть человѣку,—колоколъ тихонько жалобно завоетъ.* Если колоколъ молчитъ, надо молча спуститься съ колокольни, молча итти до больного, покуль не поставишь ведро съ водой на мѣсто. Потомъ ужъ можно и говорѣть". Принесенной водою поятъ и умываютъ больного[2] (изъ разсказовъ Е. А. В—вой).

Иные родители даютъ „обвѣща́нье": „Матушка Девята Пятница, помоги мнѣ отпеча́ловать дитю́!" Обѣщаютъ „потрудиться на ногахъ", сходить къ Девятой Пятницѣ въ дер. Ту́люшку, Шарагульской волости, куда каждую весну отправляется много „тру́дниковъ", чуть ли не со всей Тулуновской волости прежнихъ границъ.

Ходятъ въ Уди́нска (г. Нижнеудинскъ) къ Ахтырской Божьей Матери (2 іюля). Идутъ большею частью женщины: матери, убитыя

---

[1] Фиктивная передача ребенка въ чужую семью, какъ лѣчебное средство, примѣняется не только у русскихъ; къ ней прибѣгаютъ, подобно якутамъ, и качинцы, какъ о томъ сообщаетъ Ф. Конъ, стр. 61.

[2] Очень похожая процедура описывается у Неклепаева (стр. 24), только „колокольная вода", по его сообщенію, примѣняется сургутянами въ другомъ случаѣ—отъ испугу.

болѣзнью парнишка или дѣвчонки—просить заступницу „поставить дитё на ноги“, бездѣтныя женщины—вымаливать „хоть кого-нибыдь“...

IV. Женскія болѣзни.

„У здороваго человѣка дѣти должны быть у всякаго, а то какой же это человѣкъ, которой дитю́ не имѣетъ?“ (Е. А. В—ва).

Дѣти—замѣна на старости лѣтъ, въ особенности парни. „Если сыновьямъ Богъ благословилъ, то отъ котораго-нибыдь да будетъ толкъ отцу-матери. Одинъ сынъ—не́ сынъ, два сына—по́лсына, а три сына—*весь сынъ*: всѣ-то прокормятъ“,—такъ говаривали старые люди (Е. А. В—ва).

Во взглядѣ на дочерей тоже сказывается характеръ утилиариста-крестьянина. „Дѣвка—чужой товаръ“. Но и этотъ „чужой товаръ“ является желаннымъ въ семьѣ, особенно для матери: „парнишка къ отцу больше льнетъ, а дѣвка, покуль замужъ не ушла, хоть вшей въ головѣ поищетъ, рубаху выстираетъ, съ ребенкомъ поводится, по́ дому доглядитъ“.

Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ бездѣтность радуетъ крестьянскую семью: „ну ихъ къ Богу—и дѣтей; забота съ имя́ одна“. Не часто услышишь жалобы даже тѣхъ, кого „дѣти одолѣли“. Вообще ребята почти всегда являются желанными не только въ „прожиточныхъ“ (состоятельныхъ) семьяхъ, но и въ семьяхъ бѣдняковъ. Правда, многосемейность иногда вызываетъ жалобу на судьбу, но это происходитъ лишь въ минуту особенно острой нужды. Минуетъ такая нужда—и слышишь только насмѣшливое „подфигурированіе“ надъ собой и своимъ положеніемъ [1].

Безплодіе почти всегда разсматривается какъ несчастье и нерѣдко служитъ причиной дурныхъ отношеній между супругами. Если дѣтей нѣтъ, то это значитъ, что кто-либо изъ супруговъ (чаще жена) боленъ или испорченъ, или—въ рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ,—„терпятъ за чьи-нибудь грѣхи наказаніе Божье“.

У больныхъ „бѣлой грыжей“ не бываетъ дѣтей.

„По-сердца́мъ другой разъ накормятъ бабу какимъ-нибыдь кореньямъ али травой. Матрена Матвѣевна Коропча́нчиха (тулунская) говорѣла: „Я, говоритъ, накормлена по-сердцамъ—вотъ и не ношу“ (Е. А. В—ва).

---

[1] Образецъ этого „подфигуриванія“ даетъ одна плясовая пѣсенка, отрывокъ изъ которой записанъ мною на Иннокентьевскомъ заводѣ:

. . . Двѣ Алёнки
Въ пеленкахъ лежатъ,
Двѣ Наташки
У чашки сидятъ,
Двѣ Парашки
Кашку варятъ,
Двѣ Машки
Въ чумашкахъ ѣдятъ. И т. д.

Чтобы носить ребятъ, существуетъ много „средствóвъ“,—кому какое поможетъ. Наиболѣе дѣйствительнымъ считается дѣтскій пупокъ, который черезъ нѣсколько дней у новорожденнаго ребенка присыхаетъ и отпадаетъ. Надо „взясь его и скормить женщинѣ, котора не носитъ. Съ мяснымъ пирогомъ, съ грыбнымъ ли. Помогаетъ. Другой разъ соберутся бабы и смѣются надъ такой: у тебя, ить, чей ребенокъ-то?—ить, мой! Я тебя пупомъ-то накормила“...

Ходятъ на богомолье—„вымаливать ребенка“, даютъ „обвѣты потрудиться“, сходить пѣшкомъ „къ батюшкѣ-Инокентію“ въ Иркутскъ, ходятъ къ Девятой-Пятницѣ[1] въ дер. Тýлюшку. Одно время ѣздили въ иркутскій монастырь къ знаменитому „отцу Ѳедору“.

Пьютъ разные корни. „Ес(т)ь такіе корни (здѣсь-то ихъ нѣту, въ Шарагулѣ—по низкимъ мѣстамъ), похожіе на руку; у (н)ихъ пять отрос(т)ковъ, въ родѣ какъ пальцы. Если правую (али лѣвую?—не помню) руку съѣшь, дѣтей совсѣмъ не будетъ, а съѣшь лѣвую (?)—и у „бездѣтной будутъ дѣти“. Если съѣшь одинъ палецъ правой (?) руки, не будешь носить годъ; съѣшь два пальца—два года, а всѣ пять съѣшь—совсѣмъ носить ребятъ перестанешь“[2] (Е. А. В—ва). Значитъ, одинъ и тотъ же корень можетъ служить двумъ противоположнымъ цѣлямъ: чтобы „носить ребятъ“ и чтобы „не носить“.

Если къ такимъ, кто не имѣетъ дѣтей, относятся какъ къ „обиженнымъ“, даже уродамъ, то совсѣмъ плохой взглядъ устанавливается на тѣхъ, „кто не хочетъ дитю́ имѣть“, кто пускаетъ въ ходъ „средства́“.

Чтобы выжить ребенка: „Это ужъ не мать, а змѣя, котора выживатъ ребенка. Этакъ только бар . . . . я дѣлаютъ“. Изъ средствъ и способовъ плодоизгнанія называютъ „коренья“; К. И. Б—ая говоритъ, что употребляютъ хину, которую принимаютъ 3 или 4 раза въ день безъ мѣры; порохъ[3], тоже безъ мѣры, растертый и распущенный въ теплой водѣ; ущипыванье какимъ-либо твердымъ предметомъ матки; сильное давленіе на нее; поднятіе тяжестей черезъ силу; прыганье съ высоты (съ крыши, напр.), чтобы стряхнуть и т. п.

Боль въ животѣ послѣ роди́нъ. См. *Животомъ скудатца*.

Брюхо поносить. „Которыхъ рветъ, тошнитъ, гоня́тъ (дѣлается поносъ), поѣлъ бы того и другого, тянетъ на соленое, то на кислое... Какое тутъ лѣкарс(т)во?—Пройдетъ. Которы ѣдятъ мѣлъ: изжога въ это время бывать“ (Е. А. В--ва).

Грудни́ца—забрусенье грудей. Бываетъ больше отъ простуды. „Титьки сдѣлаютца тверды, какъ брусъ,--воть тебѣ и забрусенье.

---

[1] Макаренко, Сибирскій народный календарь, стр. 176.

[2] Можетъ-быть, это—„ладошки или пять пальцевъ“ (различные виды Orchis), о которыхъ сообщаетъ Макаренко (стр. 242, 399, 403).

[3] Макаренко, стр. 242.

Больну грудь надо содоржать въ теплѣ". О. П. Ф—ва лѣчитъ „причерчиваніемъ" (съ наговоромъ за); А. П. П—на—теплыми припарками. Изъ травъ полезны жарки цвѣтки.

Животомъ скудатца послѣ родинъ. Правятъ животъ въ банѣ, растираютъ мыльной водой (А. П. П—на).

Зано́сица. „Не бывать мѣсячныхъ мѣсяцъ, два, а то и больше. Баба думаетъ, что она ужъ забрюхатѣла, а оказывается—нѣтъ: потомъ все выхлестнетъ изъ неё. Въ родѣ быдто сбросить. Только когда сбросить, тамъ—ребенокъ, а здѣсь—какой-то кусокъ мяса, незна́мо што... Тутъ ничего не сдѣлашь. Пройдетъ да и все. Потомъ пьютъ красны шишки" (Е. А. В—ва).

Золотникъ не исходитъ. „Краски (послѣ родовъ) на нутрѣ отъ жару сольются вмѣстѣ кускомъ. Это вотъ баушки и называютъ: золотни́къ. Золотникъ всегда бываетъ. Больше (ребятъ) носишь, больше становитца золотникъ. Старухи, баушки-то деревенскія, послѣ родинъ вызываютъ краски, чтобы въ тѣлѣ очищалось: растираютъ, поятъ свинярникомъ, чистякомъ, аптешной ромашкой (завариваютъ сразу же послѣ родинъ), даютъ пить молосное масло. Самбу́ръ покупаютъ въ аптекѣ,—кровь разбиваетъ, унистожаетъ и разрываетъ золотникъ... Одно слово, заботятца, чтобы золотникъ исходилъ. Икушерки-то, ить, забинтовываютъ и не даютъ очиститься нутру. Оттого ихъ и обѣга́ютъ нашъ-то братъ, простонародье".

Краски. См. *Смёртны ключи красокъ.*

Маточныя кровотеченія—обыкновенныя „мѣсячныя"; называются то щукой, то гостями[1], то „на рубахѣ". Черезчуръ обильныя кровотеченія А. П. П—на останавливаетъ наговоромъ 9, который она читаетъ „на разстаняхъ дорогъ"[2].

Молока мало у матери,—мать „немолосна". А. П. П—на лѣчитъ заговоромъ и „обчерчиваніемъ",—подобно тому „какъ горло лѣчатъ". Иногда *молоко присыхаетъ вовсе.* Случается это, если „счиркаешь молоко на огонь. Отъ порчи тоже бываетъ".

Нарывы на грудяхъ. Бываютъ послѣ забрусенья, если остудишь. Примѣняютъ ушканину, какъ, напр., при чирьяхъ.

Пусто́ брюхо. Бываетъ у „утробистыхъ" женщинъ. „Когда моя покойница-мать (полная была такая) родила двойниковъ, было шибко много красокъ. „Ли́шны краски",—какъ теперь въ память, говорѣли: „вотъ двойни да еще и съ пустымъ", дескать два ребенка *не все* мѣсто въ утробѣ заняли. У утробистой женщины кажный ребенокъ родится съ пустымъ: красокъ много бываетъ" (Е. А. В—ва).

---

[1] Гилячка въ нѣкоторыхъ случаяхъ называетъ регулы тоже описательно: „гость пришелъ". Пилсудскій, 27.

[2] Близкій варіантъ приводитъ Красноженова, стр. 71.

Смёртны ключи красокъ. Открываются отъ „небе́режья“; больше—„у расхожихъ“ бываютъ. Авдотья К—ва ни одного (ребенка) не нашивала... Открылись смертны ключи красокъ. Маялась пять годовъ. Съ тѣмъ и померла...“

V. Народная ветеринарія.

1. Болѣзни лошадей.

Весна беретъ. Это бываетъ съ „низовыми“ лошадьми, если онѣ ходятъ пекованыя: „тощаютъ, въ родѣ какъ тоскуютъ по́ дому, скудаютца. Которы пропадаютъ“.

Въ качествѣ предупредительной мѣры примѣняется ковка лошадей. При лѣченіи употребляютъ „картовну батву“, которую парятъ въ горшкѣ до́красна и поятъ больную лошадь наваромъ; полезны: дикій хмель и „змѣины выползки“ съ дегтемъ (Тулунъ, Худоелань).

Задержаніе мочи („конь не можетъ помочиться“). Происходитъ отъ надсады. „Другой конь такъ съ кровью и мочитца... трясется сердешной“. Лѣчатъ отъ „надсады“ по ниже описанному способу (см. *Надсада*); „если это не беретъ, толкутъ конопляно сѣмя, покуль не сдѣлатца какъ молоко, и даютъ лошадѣ“, разведя немного водой. Поятъ и покупнымъ конопляным масломъ; однако, „лучше бывать, когда даютъ конопляно сѣмя“ (С. Ѳ. В—въ [1]).

Зако́вка. Если гвоздь, при прикрѣпленіи подковы, ранитъ мясную подошву или мясную стѣнку копыта лошади, получается такъ называемая заковка: „лошадь жалуетца на ногу и хроматъ; расковать коня надо, чтобы отдохнулъ, а то просто перековать“.

Запалёной или зажжёной конь. По виду совершенно здоровая лошадь, съ хорошей „вы́тью“ и пр., становится поджарой, бока у нея подведетъ, не наѣдается. Послѣ ѣзды замѣчается неправильное дыханіе и на бокахъ подергиваніе. Чаще заболѣваютъ сытыя и малоѣзженныя лошади, особенно въ жаркое время, отъ быстрой и продолжительной ѣзды, послѣ которой лошади дана „малая прово́дка“, т. е. лошадь остановлена сразу и не проведена шагомъ. Лѣченіе заключается лишь въ томъ, что послѣ каждой ѣзды, если лошадь разогрѣлась, ей даютъ около трети ведра холодной воды и „небольшую проводку“ (С. Ѳ. В—въ).

---

[1] Семенъ Ѳедоровичъ Виноградовъ (†), тулуновскій крестьянинъ; въ молодыхъ годахъ жилъ въ Нижнеудинскѣ, затѣмъ—въ Худоелани, Шабартѣ, Курзанѣ; послѣднія 35 лѣтъ—въ Тулунѣ. Около сорока лѣтъ былъ почтаремъ: „безъ малаго сорокъ годовъ съ кбзелъ не слѣзалъ... Съ лошадямъ-то пожалуй что больше дѣловъ имѣлъ, чѣмъ съ людямъ“,—вотъ его собственное признаніе.

Исплечи́лся конь. Къ хомуту лошади съ опаренными или сбитыми плечами прилаживаютъ [1] мягкую кошму (потни́къ), которая прилегала бы къ больному мѣсту. Больное мѣсто смазывается оленьимъ рогомъ или, если его нѣтъ, коровьимъ масломъ (Алюй, Тулунъ).

Мокрецъ. По вѣнчику копыта образуется опухоль, изъ которой вытекаетъ густая клейкая „матéрія“. Причина болѣзни—грязь во дворѣ, когда она выше копыта. Лѣченіе: больное мѣсто промывается теплой водой, обсушивается при помощи тряпки, потомъ смазывается конопляным масломъ, прокипяченнымъ съ жаренымъ лукомъ (С. Ѳ. В—въ).

Мышаки. Животное перестаетъ ѣсть, часто „катаетца“ или лежитъ. Лежащія около ушей железы—„мышаки“—вздуваются, увеличиваясь до размѣровъ гусинаго яйца. Причина болѣзни—„сильная усталь и плохая пища“. „Мышаки“ разминаютъ руками или кусаютъ зубами; лучшее же средство—проколоть ихъ шлейнымъ шиломъ („заколоть мышаки“). Эта операція продолжается до тѣхъ поръ, пока „мышаки“ не станутъ мягкими, но и послѣ этого черезъ каждый часъ, или даже чаще, лошадь „посматриваютъ“: если „мышаки“ не уменьшаются, „закалываніе“ ихъ повторяютъ (С. Ѳ. В—въ).

Нада́вы на спинѣ подъ сѣделкой. Сначала появляется опухоль, потомъ коросты въ копейку величиной, иногда болѣе. При прикосновеніи къ больному мѣсту лошадь вздрагиваетъ. Причины, вызывающія надавъ,—неисправности сѣдла или сѣделки, неправильная подкладка потника или, при неправильномъ расположеніи кобылокъ на сѣделкѣ, надавливаніе черезсѣдельника на хребетъ лошади.

Если опухоль еще не прорвало, на сѣделкѣ вырѣзается отверстіе, чтобы она лежала на здоровомъ мѣстѣ, не касаясь опухоли. Если уже образовалась короста, ее смазываютъ молоснымъ масломъ и все, что́ отъ нея свободно отстаетъ, удаляютъ. Когда опухоль прорветъ, рану промываютъ теплой водой, смазываютъ тѣмъ же масломъ, а кругомъ раны—керосиномъ, который употребляется, впрочемъ, только лѣтомъ, чтобы отогнать назойливыхъ насѣкомыхъ.

Надса́да (надорвется конь). „Лошадь ровно согнется, не ѣстъ, дѣлается все хуже да хуже, другой разъ и помочиться не можетъ“. При лѣченіи употребляется „составъ“ изъ человѣческой мочи, водки, куринаго помета и горючей сѣры. Если составъ простоитъ на печи сутки, его можно выпоить заразъ полную бутылку; составъ, продержанный на печи больше сутокъ, дѣлается крѣпче и выпаивается въ меньшемъ количествѣ. Послѣ этого лошадь потѣетъ; ее необходимо водить по двору, пока потъ не пройдетъ. „Если лѣкарство будетъ на пользу, потъ такъ и катитъ градомъ“ (Е. А. В—ва). Выпаиваютъ въ

---

[1] *Прилаживать*—придѣлывать, отъ слова *ла́дить*—дѣлать.

таковъ: на щёку топора кладутъ березовую лучину и сжигаютъ золу; сдуваютъ, а получившуюся въ небольшомъ количествѣ желтую или темную „о́тпоть“ (это и есть „деготь“) употребляютъ какъ лѣкарство [1].

Ело́ва сьра. Служитъ для приготовленія тягучаго пластыря.

Лис(т)вянна сьра, „котору (сибирячки) жа́мкаютъ“ (жуютъ), примѣняется для „выискиванья“ посторонняго тѣла изъ глаза и какъ тягучій пластырь.

Пихто́ва сьра. Ею натираютъ вѣки глазъ [2], когда „слеза долитъ и въ головѣ стоитъ боль“.

Смола. Употребляется для смазыванія пятокъ ребенку, больному „чикотуномъ“;—для окуриванія больныхъ лихорадкой. Въ ветеринаріи: мажутъ въ стайкахъ кресты, предохраняющіе домашнихъ животныхъ отъ всѣхъ болѣзней; смазываютъ при повѣтріи на куръ клювъ и ноги.

VII. Мази, пластыри и составы.

Отъ *банной притки.* Пережигаютъ банный мусоръ („отъ трехъ бань“); пепелъ его смѣшиваютъ съ коровьимъ масломъ; полученной мазью натираютъ тѣло, „гдѣ серебитца“ и гдѣ „ужъ попритчилось“.

Отъ *золотухи* употребляется мазь, получаемая изъ смѣшенія сулемы съ масломъ.

Отъ *лихорадки*—составъ изъ мочи, рѣдечнаго соку и черемши. „Сокъ“, т. е. жидкую часть этого состава, больные пьютъ, а „гущей“ натираются.

Отъ *ломоты.* Приготовляютъ натиранье: въ 10 золотникахъ крѣпкой водки „распускаютъ“ 10 „синеушекъ“ и прибавляютъ 10 золотниковъ деревяннаго масла. Объ употребленіи см. стр. 339.

Отъ *надсады у лошадей.* Составъ изъ человѣческой мочи, водки (шкаликъ на бутылку), куринаго помета (ложка на бутылку) и горючей сѣры (тоже ложка на бутылку),—для внутренняго употребленія.

Отъ *цыпокъ* на рукахъ и ногахъ употребляютъ мазь изъ смѣшенія „обыдённой сметаны“ съ купоросомъ.

Отъ *чесотки:* а) мазь изъ смѣшенія пепла, полученнаго отъ пережиганія „баннова сору“, съ масломъ и квасцами; б) мазь, получаемая путемъ кипяченія смѣси изъ дегтя, коровьяго масла, лука и мыла.

---

[1] Красноженова, 69; Макаренко, 416.

[2] Пихтовая сѣра, какъ средство лѣченія при глазныхъ заболѣваніяхъ, извѣстна остякамъ на р. Юганѣ. Скалозубовъ, Хроника Тобольскаго музея за 1900 г., стр. 3.

Отъ *чирьевъ*—тягучій пластырь; получается онъ такъ: „желтой воскъ (половина свѣчки), елова сѣра (съ голубячье яичко), молосное масло (съ ложку) и пережженные квасцы (чайную ложку), — все это распустить на огнѣ и дать остынуть“ (Е. А. В—ва).

VIII. Настойки на водкѣ и на водѣ.

Желызо—„гвоз(д)ь, скажемъ, бросишь въ маленькую посуду съ водой и пьешь по зо́рямъ“—отъ зобу.

Жеребой—отъ грыжи.

Зубровка—для аппетиту.

Калганъ—отъ удушья; „другія пьютъ, какъ брюхо поносятъ“; пьютъ при болѣзняхъ живота послѣ родовъ.

Камфора—примачиваютъ голову, если она болитъ постоянно; натираютъ ноги при ломотѣ; „пущаютъ въ глаза“.

Мочка—отъ порѣзовъ и посѣковъ.

Чеснокъ—при дифтеритѣ, вообще при кашлѣ.

Чилибуха—отъ золотухи.

IX. Средства религіозныя.

Вата отъ святителя иркутскаго Иннокентія помогаетъ отъ многихъ болѣзней; ею „затыкаютъ уши“ при стрѣльбѣ и шумѣ въ головѣ и пр.

Земля или *песочекъ* отъ „батюшки Синесія-угодника“ (изъ Иркутскаго монастыря)—„ото всего помогаетъ“ [1].

Икона сообщаетъ цѣлебную силу водѣ, которою ее (икону) обмоютъ; этой водой лѣчатъ главнымъ образомъ дѣтей („ночной рёвъ“ и др.). Подлѣзаніе полъ икону во время крестныхъ ходовъ избавляетъ отъ порчи, отъ припадковъ.

Скоба церковной двери. Объ нее, при входѣ въ церковь, трутъ руку, если на ней разрастается „могильная кос(т)ь“ [2].

Свята́ водица. Поятъ ею ребятъ отъ испугу. Имѣетъ большое примѣненіе въ домашнемъ обиходѣ.

Четверо́жная соль является наиболѣе желательной при лѣченіи ногтя у лошадей; вообще имѣетъ большое примѣненіе въ народной ветеринаріи [3].

Щепки отъ гробницы, „батюшки Софронія-угодника“ помогаютъ отъ всѣхъ болѣзней, въ особенности—отъ сильной зубной боли [4].

---

[1] „Съ гробницы его больные берутъ землю“,—пишетъ С. В. Максимовъ.—„Сибирская Святыня“, стр. 249. Собр. соч., т. XVI, Спб. 1910.

[2] Красноженова, 71; Макаренко, 79; Поповъ, 265.

[3] Поповъ, 263–264; Макаренко, Сибирскій народный календарь, стр. 154.

[4] Поповъ, 265.

X. Средства домашняго обихода (подспорныя).

Баня. Ее топятъ съ гигіенической цѣлью, обычно наканунѣ праздниковъ. Въ ней прогрѣваются, дѣлаютъ различныя натиранія; „правятъ члены“ роженицѣ и новорожденному и т. д.

Блюдечко. Въ немъ приготовляютъ лѣкарства.

Бутылки. Въ нихъ приготовляютъ и сохраняютъ нѣкоторые „составы“ и др. лѣкарства.

Вода обыкновенная употребляется для приготовленія отваровъ, наваровъ, настоекъ; ею окачиваютъ больныхъ, „прыскаютъ“ и пр.

Вѣникъ. На него „ладятъ“ отъ „банной притки“. Положенный подъ зыбку, онъ предохраняетъ ребенка отъ испуга и т. д.

Вѣнчальное мыло, т. е. подаренное женихомъ невѣстѣ передъ вѣнцомъ. Имъ умываются отъ призоровъ.

Голи́къ употребляется при лѣченіи поясницы: съ нимъ въ рукахъ „поясницу рубятъ“.

Горшокъ. Въ немъ парятъ травы.

Дождевая вода. Дождевыя капли во время первой грозы, если ими умывать глаза, избавляютъ отъ глазныхъ болѣзней.

Заслонка. На нее кладутъ „жаръ“ для окуриванія больныхъ; на ней бьютъ помеломъ ребятъ, страдающихъ недержаніемъ мочи, съ цѣлью излѣченія.

Зола нагрѣтая прикладывается къ больному горлу; золою изъ ка́менки натираются при чесоткѣ.

Иголки. При помощи ихъ вынимаютъ занозы. Иголки-синеу́шки употребляются для приготовленія „натиранія“, примѣняемаго при сильныхъ ломотныхъ боляхъ.

Калачъ. Черезъ калачъ „пронимаютъ“ ребенка, больного „собачьей старостью“.

Кирпичъ—для согрѣванія вымени при грудницѣ у коровъ.

Колокольчикъ. Изъ него поятъ водой или молокомъ ребенка, который долго не говоритъ (колокольчикъ долженъ быть съ язычкомъ).

Кольцо, нагрѣтое треніемъ о ремень, примѣняется для прижиганія мокраго лишая.

Корка ржаного хлѣба, пережженная, употребляется при поносѣ, „скрѣплятъ“.

Куде́ля, смоченная мочою, прикладывается къ ушибленнымъ мѣстамъ.

Ложка (деревянная, столовая, чайная)—мѣра для пріема нѣкоторыхъ лѣкарствъ.

Лопатка (весёлка), которою берутъ тѣсто изъ квашни, употре-

бляется при лѣченіи больного лихорадкой, когда его окачиваютъ водою подъ курицей.

Лучины. Черезъ нихъ „прыскаютъ“ водой при лѣченіи летучаго огня.

Нитка суро́вая. При ея помощи сводятъ бородавки. Ею перевязываютъ два пальца одной руки „крестъ-на́крестъ“ при появленіи ячменя.

Ножницы. Ими „перехватываютъ“ слюну у ребенка, у котораго „шибко слюня изъ роту текетъ“. Перехватываніе избавляетъ ребенка отъ слюнявости.

Ножъ. Имъ дѣлаютъ „очерчиванья“ при излѣченіи нѣкоторыхъ болѣзней; срѣзаютъ распаренныя сухія мозоли; два ножа употребляются при лѣченіи отъ лихорадки (обкачиваніе водой подъ курицей).

Обмылокъ, которымъ мыли покойника, считается надежнымъ средствомъ при лѣченіи отъ запоя.

Опояска. Служитъ для измѣренія головы съ цѣлью узнать, на мѣстѣ ли мозгъ.

Ось отъ телѣги, положенная подъ порогъ или передній уголъ, предохраняетъ отъ заноса въ домъ болѣзней.

Отруби, нагрѣтыя, привязываются при горловыхъ боляхъ.

Отымалка. Ею прижигаютъ прыщики на губахъ и ранки послѣ извлеченія занозъ.

Па́рга, наскребенная съ посконины,—какъ средство противъ опрѣлостей у дѣтей.

Подкова. Вбивается въ корыто, изъ котораго кормятъ свиней; помогаетъ отъ худобы у свиней.

Полотенце. Употребляется при „накидываніи“ сита на пупъ—для „стягиванія“.

Помело. Имъ бьютъ на заслонкѣ дѣтей, страдающихъ недержаніемъ мочи, съ цѣлью излѣченія.

Пробка. Пепломъ отъ пережженной пробки прижигаютъ ожоги.

Ремень (кушакъ, поясъ ременный). Треніемъ о ремень нагрѣваютъ кольцо, которымъ прижигаютъ мокрый лишай.

Рюмка. Мѣра для пріема лѣкарствъ.

Сахарная синяя бумага. Завернутую въ трубочку курятъ отъ кашля.

Сережки. Продѣваются въ ухо мальчикамъ для излѣченія грыжи.

Синеу́шки (обыкновенныя иголки съ синими ушками). Распускаются въ крѣпкой водкѣ и такимъ образомъ входятъ, какъ часть, въ натираніе отъ ломоты.

Сито. Его держатъ въ зубахъ, когда „правятъ голову“; при помощи его „ставятъ пупъ на мѣсто“.

Ска́лка. Ею ставятъ пупъ на мѣсто.

Стаканъ. Одна изъ мѣръ для пріема лѣкарствъ.

Стелька. Ворується для лѣченія насморка.

Тарелка. Въ ней готовятъ нѣкоторыя лѣкарства.

Топоръ. При боляхъ въ поясницѣ имъ „рубятъ спину“.

Хлѣбъ. „Все хлѣбное полезно“. Сорокъ кусочковъ, собранныхъ Христа ради, предохраняютъ человѣка отъ развитія бѣшенства въ случаѣ укуса бѣшеной собакой. Заплѣсневѣлый хлѣбъ ѣдятъ, чтобы не бояться грозы [1] (Тулунъ, Шабарта). Крошками хлѣба, падающими въ подолъ во время ѣды, сводятъ бородавки. Мякишемъ хлѣба лѣчатъ щетину у ребенка. Хлѣбъ съ солью употребляется какъ нарывное. „Хлѣбной духъ“ (изъ квашни) возвращаетъ потерянную выть. Имѣетъ примѣненіе въ ветеринаріи.

Чашка чайная. Мѣра для пріема лѣкарствъ.

Черепо́къ. Въ немъ разводятъ „курево“, примѣняемое при лѣченіи лихорадочныхъ.

Шило шлейное. Имъ „закалываютъ мышаки“.

Литература [1].

Абрамовъ, И. Повѣрья, примѣты и заговоры жителей Новоградъ-Волынскаго и Заславскаго уѣздовъ. Ж. С. 1913, в. III—IV.

Гуляевъ, С. И. Этнографическіе очерки южной Сибири. Библ. для чтенія, т. XC, 1848.

Гундобинъ. Домашній лѣчебникъ. Спб. 1905 г.

Демичъ, В. Ѳ. О змѣѣ въ русской народной медицинѣ. Ж. С., 1912, в. I, стр. 39—60.

Зеленинъ, Д. „Обыденныя" полотенца и обыденные храмы. Ж. С., 1911, в. I, стр. 1—7.

Клеменцъ, Д. А. Наговоры и примѣты у крестьянъ Минусинскаго округа. Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XIX, № 3, 1888.

Конъ, Ф. Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ. Русск. Антроп. Журналъ, 1900, кн. 4.

Кн. Костровъ. Колдовство и порча у крестьянъ Томской губерніи. Записки Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., кн. I, 1879.

Красноженова, М. В. Матеріалы по народной медицинѣ Енисейской губ. Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XXXIX, 1908 г., стр. 10—23; т. XLII, 1911, стр. 65—86.

Кытмановъ, А. И. Матеріалы къ народной медицинѣ Енисейскаго округа. Лѣкарственныя травы. Красноярскъ, 1899.

Логиновскій, К. Д. Матеріалы къ этнографіи Забайкальскихъ казаковъ. Записки О-ва изученія Амурскаго края, т. IX, в. I. Владивостокъ, 1903.

Макаренко, А. А. Матеріалы по народной медицинѣ Ужурской вол., Ачинскаго у., Енисейской губ. Ж. С. 1897, в. I, стр. 57—100; в. II, стр. 230—246; в. III—IV, стр. 381—439.

— Сибирскій народный календарь въ этнографическомъ отношеніи (Енисейская губ.). Записки И. Р. Г. О. по Отд. Этнографіи, т. XXXVI, 1913 г.

— „Инструкція для собиранія матеріаловъ по народной медицинѣ" и „Литература по вопросу о народной медицинѣ" (Сборникъ инструкцій и программъ для участниковъ экскурсій въ Сибирь. Изд. О-ва изученія Сибири и улучшенія ея быта. Спб. 1914 г.).

Мартьяновъ, Н. М. Каталогъ народно-медицинскихъ средствъ, находящихся въ Минусинскомъ музеѣ. Красноярскъ, 1893.

Неклепаевъ, И. Я. Народная медицина въ Сургутскомъ краѣ. Спб. 1900.

Овчинниковъ, М. П. Народныя средства при собачьемъ бѣшенствѣ. Сибирскій Архивъ, 1913, кн. 2.

Пилсудскій, Б. Роды, беременность, выкидыши, близнецы, уроды, безплодіе и плодовитость у туземцевъ о. Сахалина. Ж. С., 1910, в. I—II.

---

[1] Указанія на литературу важны ужъ по одному тому, что даютъ возможность судить о степени распространенности тѣхъ или другихъ народно-медицинскихъ средствъ, тѣхъ или иныхъ народныхъ повѣрій.

Поповъ, Г. Русская народно-бытовая медицина. Спб. 1903.

Прейнъ, Я. П. Матеріалы для флоры народно-медицинскихъ растеній Вост. Сибири. Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XXIX, 1898, № 1.

Рудинскій, Н. Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губ. Ж. С., 1896, в. II.

Скалозубовъ, Н. Л. Народная медицина въ Тобольской губ. Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея, т. XIV, 1904.

— „Программа для собиранія матеріала по народной медицинѣ" и „Собираніе матеріаловъ для словаря народныхъ названій растеній". (Сборникъ инструкцій и программъ для участниковъ экскурсій въ Сибирь. Изд. О-ва изученія Сибири и улучшенія ея быта. Спб. 1914 г.).

Стуковъ, Г. А. Народныя лѣкарственныя травы Забайкалья. Записки Читинскаго Отд. И. Р. Г. О., в. VI, 1905.

Чеканинскій, И. Матеріалы по народной медицинѣ Енисейской губ. Сибирскій Архивъ, 1914, кн. 6.

Словарь къ „Матеріаламъ" [1].

Акромя́—кромѣ.
Анбаръ—амбаръ.
Апо́сли, Апосля́ } —послѣ.
Арженóй—ржаной (хлѣбъ).

Ба́бничать—повивать.
Ба́бочка (ласкательное отъ сл. *баба*)—молодая женщина.
Ба́йкать—убаюкивать, усыплять.
Ба́ско — красиво; баскóй — красивый; ба́шше—красивѣе.
Богова свѣча—восковая.
Божни́ца — полка (въ переднемъ углу избы), на которой ставятся иконы, хранятъ свѣчи, ладанъ.
Большóй—взрослый.
Болѣтóкъ—короста.
Братской—бурятъ.
Броди́ться—пачкаться.
Брюхатая (о женщинѣ)—беременная.
Бу́лькаться—то же, что́ бродиться.
Быдто—будто.

Валёкъ—деревянный цилиндръ, около аршина въ длину, употребляемый при катаніи бѣлья, тѣста.
Весёлка—узенькая лопатка, которою вымѣшиваютъ тѣсто въ квашнѣ.
Взáдпятки, взáпятки—идти задомъ.
Взя́сти, взясь—взять.
Волóсья—волосы.
Волхи́жицы—заговоры, наговоры.
Впрóгорячъ (о водѣ)—настолько горячо, чтобы можно было терпѣть.
Ворóжка—ворожея; колдунья.
Вскóростѣ—вскорѣ.
Вта́поры, вту́пори—въ ту пору; тогда.
Вши́викъ—тупой ножъ, употребляемый для выскабливанія перхоти и вшей изъ волосъ.
Въ-голова́—въ изголовье, подъ голову.
Въ кучѣ (о женщинѣ)—еще не родила.
Выть—ѣда (пе́редъ вытью — передъ ѣдой); аппетитъ (выти нѣту—аппетита нѣтъ).

Га́дина—змѣя.
Гайта́нъ, гайташекъ—шнурокъ для ношенія на шеѣ креста.
Га́ркать—кричать, звать.
Гля—для.
Голи́къ—вѣникъ безъ листьевъ.
Голору́чьемъ—голыми руками, безъ рукавицъ.
Гумага—бумага.

Доводи́ться — приходиться, случаться (не доводилось слышать—не приходилось слышать).
Доспѣ́ть—сдѣлать.

---

[1] Въ этотъ словарь я не помѣщаю тѣхъ словъ, объясненіе которыхъ дано въ текстѣ.

Дóшлый—хитрый.
Другóрить, другорять—въ другой разъ.
Дурная (о собакѣ)—бѣшеная.
Духъ—запахъ.

Жáмкать—жевать.
Жарóвое (о деревѣ)—высокое, поджарое, безъ сучьевъ.
Живётъ—бываетъ („Паска живетъ весной").
Жнитвó—время жатвы.
Жóлочь—желчь.
Жувáть—жевать.
Жувáчка—жвачка.

Загнéтка—четырехугольное углубленіе въ печи, позади цѣлá, куда загребаются угли съ золою.
Задéлье—поводъ, предлогъ.
Займка—то же, чтó хуторъ.
Зáймоваться—заниматься.
Замѣсто—вмѣсто.
Запáрникъ—чайникъ.
Заслóнка—полукругъ (неправильный) изъ листового желѣза, которымъ закрываютъ печь.
Застáрѣный—застарѣлый (о болѣзни).
Зáтеси—зарубки на деревьяхъ для узнанія дороги въ тайгѣ.
Зачáть—начать.
Зачúчеревѣть—остановиться въ ростѣ.
Знаткú люди—лѣкари, знахари.
Зы́бка—колыбель.
Зы́бошный ребенокъ—который еще не обходится безъ зыбки.

Ипéть—опять.
Ись—ѣсть.
Ить—вѣдь.
Ишь—вишь, видишь.

Кабы́ть—кстати; хорошо что.
Кáменка—печь въ такъ называемой черной банѣ.
Квашéнникъ—тряпица, которою накрываютъ („завязываютъ") квашню.
Клѣвъ—хлѣвъ.
Кóзлы—облучокъ (у экипажа).
Кошмá—войлокъ.
Кудéля—вычесанный пучокъ пеньки (конопли).
Кожурá, кужурá—кожица, шелуха.
Кутúшка—кукишъ.
Куть—мѣсто противъ печи, отдѣляемое перегородкой (забóркой); въ кути готовятъ ѣду, на полкахъ хранятъ посуду и пр.
Кѣсто—тѣсто.

Лавка—скамейка.
Лагýнъ—кадка безъ ушковъ, съ неподвижной верхней крышкой, въ которой подлѣ края продѣлывается отверстіе для наливанія квасу, дегтю.
Лагушóкъ—маленькій лагунъ.
Лáдить—дѣлать (приладить—придѣлать); лѣчить наговоромъ (ладить отъ ногтю).
Ланпáта—лампада.
Липка боль—заразная.
Лихотúть—тошнить.
Лóпоть—верхняя одежда (вообще).

Маракováть—понимать, знать толкъ въ чемъ-либо.
Молóдикъ—молодой мѣсяцъ.
Молóдка—молодая курица.
Молóсный—скоромный.
Мохнатый—волосатый.
Муравúще—муравейникъ.
Мурáшъ—муравей.
Мýслить—мочить слюной.
Мѣтина—знакъ, мѣтка.
Мя́кишъ—мягкая часть печенаго хлѣба.

Назёмъ—навозъ.
На корню́—не срубая.
Нарóшно—намѣренно, съ цѣлью.
Нáстовать—заботиться, слѣдить.
Натакáть—указать.
Натакáться—натолкнуться, напасть, найти.
Невѣ́йка—измолоченный, но еще не вѣянный хлѣбъ.
Незнáмо—неизвѣстно.
Нúзовый (о скотѣ)—изъ Западной Сибири.
Нúмо—мимо.
Нóрки—ноздри.
Нѣ́та-нѣ́та—наконецъ-то.

Обичайка—обручъ у сита.
Обыдённый—приготовленный въодинъ день.
Обѣгáть—избѣгать.
Ограда—дворъ.
Однáко—пожалуй („однако не поможетъ"—пожалуй, не поможетъ).

Однорядка (выговариваютъ и *ондорядка*)—верхняя широкая одежда изъ своедѣльскаго, такъ называемаго крестьянскаго сукна; носятъ мужчины и женщины.

О'мморокъ—обморокъ, припадокъ.

Опе́ть—опять.

Опну́ться—остановиться ненадолго.

Орѣха—орѣхъ.

Осерча́ть—осердиться.

Отпеча́ловать—отводиться съ опасно больнымъ, помочь выздоровленію.

Отыма́лка—тряпица, которою прихватываютъ горячіе горшки и пр.

Очёски—остающіеся на гребнѣ волосы (при расчесываніи).

О'чипъ--гибкій шестъ, однимъ концомъ прикрѣпляемый при помощи желѣзнаго кольца къ потолку; на свободномъ длинномъ концѣ привѣшивается зыбка.

Парни́шка—мальчишка.

Пекётъ—печетъ.

Пе́ревити—прутья, которыми перевязываютъ колья огородной изгороди.

Перфи́льская глина—бѣлая глина, привозимая изъ окрестностей с. Перфиловскаго; обычно употребляется какъ известь—для побѣлки стѣнъ въ избахъ.

Плоть—перхоть.

Поди́—пойди; пожалуй („онъ, поди, не придетъ").

Подпо́лье—мѣсто подъ поломъ избы, гдѣ ставятся разные запасы (картофель, сметана и т. п.); ходъ въ подполье, закрываемый *западней*, бываетъ всегда въ кути.

Подфигуривать — вышучивать, насмѣхаться.

Поку́ль—до тѣхъ поръ, пока.

Полдёнки—обѣденная ѣда́ въ полдень (лѣтомъ, во время полевыхъ работъ) и отдыхъ.

По́лдневать—отдыхать послѣ обѣда въ рабочее время.

Полкъ—полъ (мужской или женскій).

Поло́къ (въ банѣ)—представляетъ изъ себя возвышенную (примѣрно 1 1/2 или 2 арш. отъ пола) площадку изъ досокъ; длина полка равна росту человѣка, ширина—около 1 1/2 арш. На немъ парятся и моются.

Помазо́къ, по́мазъ—кисть изъ конскаго волоса съ деревяннымъ черешкомъ.

Помогчи́—помочь.

Понету́га—нату́га, чрезмѣрное напряженіе.

Поносить брюхо—забеременѣть.

Попри́тчилось—случилось; понездоровилось.

Портяно́й — сдѣланный или сшитый изъ своедѣльскаго, такъ называемаго крестьянскаго холста.

По-сер(д)ца́мъ—по злобѣ, изъ мести.

Поско́тина—изгородь кругомъ села или деревни, устраиваемая для того, чтобы пасущійся въ ней скотъ не могъ заходить на пашни и сѣнокосные луга, которые часто бываютъ вдали отъ деревень.

Поскребо́къ—тупой ножъ, употребляемый для выскребанія тѣста со стѣнокъ квашни.

Потни́къ—подсѣдельникъ; небольшой войлокъ.

Почта́рь—почтовый ящикъ.

Продрать (въ горлѣ)—прочистить.

Пропасти́на—па́даль.

Пру́диться—непроизвольно мочиться.

Пу́пникъ—горшокъ съ загнутыми наружу краями, употребляемый съ лѣчебной цѣлью („ставятъ пупъ на мѣсто").

Пупы́рь—пузырь на кожѣ отъ ожоговъ и другихъ причинъ.

Пу́то—веревка или цѣпь, приспособленная для „спутыванья" переднихъ ногъ лошадямъ, чтобы онѣ не могли уйти далеко съ пастбища.

Пятка—нижняя часть двери въ притворѣ, опирающаяся на порогъ.

Ра́зи—развѣ.

Разста́нь—мѣсто, гдѣ расходятся двѣ или нѣсколько дорогъ.

Растрясти́сь—родить.

Расхо́жій—распутный.

Ро́вно—будто, словно.

Рукоте́рникъ — тряпка для вытиранія рукъ; полотенце.

Са́нки—нижняя челюсть.

Сбросить—сдѣлать выкидышъ (непроизвольно).
Серебúтся—чешется (о тѣлѣ).
Скáлка—деревянная колотушка съ поперечными выступами, унотребляемая для прокатки выстираннаго бѣлья („рубахъ“).
Скúнуть—то же, что сбросить.
Скрозь—сквозь.
Скудáться—хворать.
Слéдья—слѣды.
Солносходъ—востокъ.
Сорúще—мѣсто за деревней, куда вывозятъ навозъ, соръ.
Сосúть—кормить грудью.
Справна—полная (о женщинѣ).
Ставать ды́бки—попытки ребенка (зыбошнаго) вставать на ноги.
Сурéница—основаніе хвоста у лошади.
Сырой (ребенокъ)—вялый, полный, тяжелый.
Сéдало—куриный насѣстъ.
Сѣкётъ—сѣчетъ.

Текётъ—течетъ.
Тожнó—тогда.
Трафля́лось—случалось.
Трýдники — пѣшіе паломники (богомольцы).
Туязóкъ, тýязъ—буракъ изъ бересты, цилиндрической формы.
Утрóбистая (женщина)—дородная.
Ушкáнъ—заяцъ.

Фартóвый (отъ слова *фартъ*—счастье, удача)—счастливый.
Фáртукъ—передникъ.

Харчú—питаніе, пища.
Хіузъ—холодный вѣтеръ.
Хлѣбъ — коврига чернаго хлѣба (въ отличіе отъ булки — бѣлаго хлѣба);
Хлѣбной ножъ—кухонный, столовый.
Ходить въ тя́гости, ходить чижóлой—быть беременной.
Хозяинъ—домовой.

Цѣлó—мѣсто надъ топливомъ печи.

Четверóжная соль—четверговая, приготовленная въ великій четвергъ.
Чижóлый—тяжелый.
Чумáнъ—родъ ковша изъ бересты.
Чумáшекъ—небольшой чуманъ.

Шабýръ—короткая (до колѣнъ) одежда изъ домотканнаго матеріала (изъ шерсти и кудели); носятъ мужчины и женщины.
Шамáнить—колдовать.
Шитвó—шитье.
Шлейнóе шило—шило, употребляемое при шорной работѣ.
Што-нéшто—чуть-чуть.

Азбучный указатель латинскихъ названій мѣстныхъ народно-медицинскихъ растеній [1].

Achillea millefolium L. 101.
Adonis apennina L. 115.
Aegopodium alpestre Ldb. 134.
Allium sativum L. 128.
Allium sp. 78.
Aloë sp. 1, 116.
Anemone narcissiflora L. 57.
Antennaria dioica Gärtn. 35.
Aquilegia sibirica Lam. 58.
Artemisia scoparia Waldst. et Kit. 84.
Artemisia sp. 100.
Artemisia vulgaris L. 59.

Betula alba L. 14.

Campanula glomerata L. 77.
Carum Carvi L. 2.
Chelidonium majus L. 129.
Chrysanthemum sibiricum Fisch. (= Leucanthemum sibiricum Ledeb.) 103.

---

[1] Азбучнаго указателя русскихъ названій растеній я не привожу, такъ какъ эти названія въ текстѣ „Матеріаловъ“ (стр. 400—411) расположены въ удобномъ для справокъ азбучномъ порядкѣ, а здѣсь обозначены цифрами, указывающими порядковый нумеръ того или другого растенія на соотвѣтствующихъ страницахъ.

Cimicifuga foetida L. 28, 43.
Cirsium arvense Scop. 127.
Cucumis sativus L. 91.

Dianthus Sequieri Vill. 135.
Dianthus superbus L. 32.
Dracocephalum nutans L. 88.

Epilobium angustifolium L. 55.
Equisetum hyemale L. 106.

Filipendula Ulmaria Maxim. 23,

Galeopsis tetrahit L. 45.
Gentiana macrophylla Pall. 47.
Geranium pratense L. 44.
Geum strictum Ait. 33.

Hemerocallis flava L. 108.
Hierochloë odorata Wahl. 50.

Iris ruthenica Ait. 69.

Ledum palustre L. 5.
Leonurus tataricus L. 63.
Leucanthemum ircutianum D. C. (= Chrysanthemum ircutianum Turcz.) 104.

Mentha 87.
Myosotis silvatica Hoffm. 89.

Nepeta lavandulacea L. fil. 48.

Paeonia anomala L. 80.
Papaver somniferum L. 79.
Parnassia palustris L. 96.
Phleum pratense L. 4.
Phlomis tuberosa L. 86.
Plantago major L.; P. media L. 99.
Polygonatum officinale All. 70.
Polygonum aviculare L. 110.
Polyporus sp. 13, 76.
Populus tremula L. 94.
Potentilla anserina L. 92.
Prunus padus L. 124.
Pteridium aquilinum (L.) Kuhn. 95.
Pulmonaria mollis Ldb. 9, 81.
Pulsatilla patens Mill. 102.
Pyrola rotundifolia L., var. incarnata D. C. 61.

Raphanus sativus L. 105.
Rhododendron chrysanthum Pall. 53.
Ribes nigrum L. 114.
Rosa acicularis Lindl. 131.

Salix 117.
Sanguisorba officinalis L. 126.
Saussurea discolor D. C. 19.
Saxifraga crassifolia L. 6.
Sedum purpureum Link. 111.
Solanum tuberosum L. 54.

Tanacetum vulgare L. 40.
Taraxacum officinale Wigg. 83.
Thalictrum simplex L. 98.
Thlaspi arvense L. 132.
Thymus serpyllum L. 17.
Trifolium Lupinaster L. 82.
Trifolium pratense L. 66.
Trifolium repens L. 24.
Trollius asiaticus L. 46.

Urtica cannabina L. 64.
Urtica urens L. 65.

Vaccinium vitis idaea L. 20.
Valeriana officinalis L. 72.
Veratrum nigrum L. 123.
Veronica longifolia L. 112.